

**ЕВГЕНИЙ
ЩЕПЕТНОВ**

КОЛЯН 2

Евгений Щепетнов

Колян 2

«Щепетнов Евгений»

Щепетнов Е. В.

Колян 2 / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,

Прошло много лет. Ушли в небытие девяностые, страна окрепла, жизнь стала спокойнее и сытнее. Колян, теперь Николай – богатый бизнесмен, не нуждающийся в деньгах. Но прошлое не дает покоя, не хватает адреналина, толкает бес на приключения. И возникла задумка – раскопать пещеру кудеяра, чтобы найти старинные легендарные сокровища. Сказано – сделано. Наняты люди, техника, получено разрешение. Николай – в первых рядах, следит за процессом. Но... «человек предполагает, а Бог располагает». Апокалипсис! Через весь мир прокатилась гигантская волна – новый Потоп! Погибла цивилизация, погибли миллиарды людей, и на руинах этой цивилизации остатки человечества строят свою жизнь. Как у них это получится – знает только Бог. И Колян – снова в первых рядах. Вокруг него образовывается новое государство, и от Николая зависит, как оно выживет на новой Земле. А вокруг враги, безжалостные, бессердечные, жестокие. И только сильные люди могут противостоять новой Орде, только сильные могут сохранить человеческий облик и не впасть в полную дикость, не стать рабами южных захватчиков.

© Щепетнов Е. В.

© Щепетнов Евгений

Содержание

Глава первая, или пролог. Колян узнает о сокровищах Кудеяровой пещеры	5
Глава 2. Колян решает на авантюру, изменившую его судьбу	7
Глава 3. Колян оказывается в подземной ловушке	14
Глава 4. Колян попадает в другой мир	18
Глава 5, в которой Колян оказывается на грани жизни и смерти	22
Глава 6, в которой Колян становится Николаем и обретает свой народ	27
Глава 7, в котором Колян теряет бдительность и подставляется под пули	32
Глава 8, в которой Колян оказывается в каменных джунглях	36
Глава 9. Колян находит сокровищницу	41
Глава 10. Колян ищет свою землю	45
Глава 11, Народ Коляна вступает в войну за свое будущее	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Щепетнов

Колян 2

Глава первая, или пролог. Колян узнает о сокровищах Кудеяровой пещеры

Закон #225

Строго запрещается разжигать костры допотопной научной литературой, а также средствами массовой информации, в которых есть сведения об исследованиях, пригодными для выживания.

Владимир проснулся, как обычно, в девять утра. Делать особо было нечего, на душе было тоскливо. День по всему выходил теплым, по-настоящему весенним, можно было бы сорваться и поехать копать. МД как бы подмигивал ему дисплеем в углу, отточенная до остроты катаны лопата стояла в сарае, но не лежала сегодня душа у него к копу. Опять какалики, опять зелёнькие убитые монеты и грязные пуговицы... Опять мелкая торговля на форумах и споры, чей какалик круче. Хотелось чего-то крупного, яркого, огромного КЛАДА.

Владимир перечитал заново заметку о кладах, найденных в море.

«Ну и наварились же люди!» – с завистью подумал он. Он не знал, что бы сделал с такими деньгами. Что можно купить на миллиард долларов?

«Да всё!» – хихикнул он... и погрустнел. – *«Кроме жизни и здоровья».*

Его мать умерла в 50 лет от рака печени. Последние дни она доживала на обезболивающих уколах наркотиков и он, тогда ещё совсем молодой парень, с ужасом наблюдал, как она угасает, превращается в обтянутый кожей скелет И это она-то – сильная, энергичная, она, которая не дала отцу спиться, бесстрашно выбивая у него из рук рюмку водки. Страшная болезнь русского народа – алкоголизм, все-таки догнала отца, но она уже этого не увидела. Владимир был уверен, что большевики нарочно спаивали народ. Во-первых, чтобы вытягивать у него из кармана как можно денег, используя монополию государства на алкоголь, а во-вторых, пьяными было легче управлять. Налил алкоголику полстакана водки и поднял его в бой умирать, на пулемёты. Как говорил наш великий полководец Жуков – русские бабы ещё нарожают.

Миллиард долларов. Миллиард! Можно было бы путешествовать до конца своих дней, нырять на дно в поиске галеонов, увидеть весь мир. Владимир не понимал богатых, которые упёрлись в свои тупые тусовки, жрут, пьют, совокупаются и больше ничего от жизни не хотят.

«Скоты», – поморщился он.

Столько всего интересного в мире! Хочется все успеть увидеть, сделать, посмотреть. Ему вспомнилась газетная заметка про одного богатея, который жил на своей огромной яхте безвылазно. И лишь раз в полгода на его яхту доставляли упаковку чистейшего героина. Он кололся и снова запирали себя в дорогой «темнице». И за что Бог даёт таким людям богатство, которым они не хотят пользоваться? Впрочем, может это и есть наказание Господне.

Колян вострепнулся. Чем не цель – найти суперклад! Средства? Два миллиона рублей лежало на счету после продажи отцовской квартиры. Они с супругой планировали перестроить и утеплить дом, в котором они жили за городом. Бывшая дача, перестроенная в жилой дом, со всеми удобствами, зимой промерзала.

«Смешно, конечно, звучит, – подумал Владимир. – Как в мультике про Простоквашино – надо найти клад – пойдём и найдём!»

Он потянулся к тумбочке у кровати, взял пачку распечатанных потертых листов и стал в который раз изучать их.

«Богата легендами Кудеярова гора в селе Мох Заратовского уезда, где по народному поверью хранятся в пещере за железными дверями громадные сокровища Кудеяра. Кто был Кудеяр – народ не знает. Говорят, что был знатным разбойником и нагребил за всю свою жизнь богатства невиданные. Сам татарин огромного роста, а жена его была русская, редкая красавица. Кудеяр жил в своей горе, внутри которой были богато убранные помещения и хранились сокровища, добытые при набегах на другие страны. Туда вел узкий, извилистый и невысокий подземный ход от середины крутой горы, тянувшийся внутрь сажень на 100. Здесь умерла его жена и Кудеяр схоронил ее, зарыв с ней вместе в могилу все уборы и драгоценности, принадлежавшие покойнице и насыпал над нею курган.

Свои же сокровища Кудеяр хранил в кладовых внутри горы за железными дверями в трех погребах: в одном – золото, в другом – серебро, в третьем – драгоценная конская сбруя. Вход завален, и Кудеяр положил зарок на этот клад на 200 лет».

«Ну что же, – хмыкнул про себя Владимир. – Пора кладу обрести законного владельца».

Пробежав документ глазами, он в очередной раз уверился в том, что клад разбойника – не выдумки деревенских баб. В разное время рядом с горой находили и необычные монеты, и железные изделия, и сбрую, и оружие. А в самой пещере на стенах были обнаружены различные надписи начала века. Мертвенная тишина Кудеяровой пещеры вполне могла скрывать Клад Века.

Володя отложил листы и задумался. Завтра должен приехать его товарищ, Колян. Теперь он заделался олигархом. Зимой они хорошо погузбанили в столице, а потом часто созванивались и обсуждали запавшую обоим в душу идею – раскопать наконец Кудеярову пещеру. Для Володьки это была возможность поправить свои дела, а для Коляна – лекарство от скуки, в которую он впал. Финансовые и административные ресурсы у Коляна были практически неограниченны, поэтому поисковая операция имела все шансы на успех.

Конечно, Володя много раз думал, не отправиться ли на раскопки в одиночку. Но со своим жалким миллионом рублей он вряд ли смог повернуть масштабные работы. Кроме того, его мучил вопрос – а как власти посмотрят на таковые раскопки? Быстро укоротят ноги копателю.

«Без Коляна никак не обойтись...» – вздохнул Володя.

Его также грела надежда, что Колян не кинет своего боевого товарища, если вдруг что выгорит с этим дельцем, он всегда был хорошим мужиком. За зиму они вместе разработали подробный план действий.

Глава 2. Колян решается на авантюру, изменившую его судьбу

Закон#278

Запрещено иметь рабов, покупать и продавать рабов, а также участвовать в любом бизнесе, связанном с работорговлей.

Под колёса мощного джипа несло выбоистое полотно дороги. Колян одной рукой держал кожаный руль. В открытые весеннему тёплому ветру окна неслись запахи влажной, разгорячённой солнцем земли.

Колян скучал. Жизнь его тянулась спокойно, размеренно. Денег было столько, что потратить он их не мог, да и желания тратить, честно говоря, особого не было. Да и что нужно от жизни дворовому пацану, которым он в сущности и оставался? Вкусной еды, выпить, покурить, девчонок весёлых и не динамщиц...

Многие годы Колян жил «на щелчке», из-за каждого угла ожидая выстрела. Теперь настала спокойная жизнь. Конкуренты либо сгнили в земле, либо успокоились и ведут свой бизнес, не мешая Коляну. Тем более, что в политику он не лез, особой жадностью не отличался. Бизнес его процветал. Нанятые управляющие вели дела под строгим надзором, в сомнительные сделки не лезли, воровали в меру.

Скажи Коляну кто-то лет десять назад, что он превратится в скучного буржуа, он бы не поверил и послал говорящего по очень далёкому и не очень светлому адресу... но факт был налицо. Некоторое время Колян пожил за границей, но ему быстро обрыдли рожи иностранцев, насквозь фальшивые, всегда улыбающиеся. Сколько бы он ни сыпал деньгами, в их глазах отражалось только презрение. Они считали его русским быдлом и посмеивались над ним за спиной.

«Русский может жить только в России, – думал Колян. – А с большими деньгами и в этой стране можно прекрасно жить».

Колян давно уже не копал по войне. Только от безнадёги и безденежья можно рыться в сгнивших трупах немцев, разыскивая их личные вещи – считал он. А вот поиск археологических артефактов с недавних пор увлек его. Тем более, что с его финансовыми возможностями, он мог сто очков вперёд дать любому археологу.

Археологический мир, как узнал Колян, окунувшись в общение с археологами, представлял собой очень гнилое, криминальное место. Там творились такие вещи, что Колян только диву давался. Базарные торговцы и рэкетеры отдыхают! Некоторые археологи ездили на хаммерах и при этом били себя в грудь, доказывая, что они – радетели истории родного края. Они всячески пиарили свою деятельность на ниве краеведения, без зазрения совести наживаясь на найденным при раскопках артефактах. Конкуренция в вде независимых поисков им была не нужна. Поэтому они всячески ее искореняли. Они клеймили поисковиков чёрными копателями, грабителями могил, ворами и другими нелестными прозвищами, которые с лёгкостью придумывали в свободное от продажи найденных артефактов.

Колян с головой окунулся в археологические дебри еще и потому, что подобные знания были весьма кстати владельцу сети антикварных магазинов. Он оставил управление бизнесом Ленке, которая была весьма неплохим руководителем хотя бы потому, что безошибочно видела суть любого человека. Доходило до мистики: если она заявляла, что этот человек дерьмо, в конце концов Колян на собственном опыте убеждался, что так оно и было. Сотрудник или проворовывался, или начинал работать на себя, или бухал безмерно, помочив свой клювик в деньгах, что в конце концов приводило к его отстранению от должности. Причем иногда

не без последствий – люди попадались всякие. Были и попытки нападений, и мести всякого рода. В таких случаях Ленка обращалась к Коляну, он выходил на Первого, главу своих тайных силовиков, и проблема разрешалась.

Ушли в Лету 90-е, силовые операции ушли в прошлое. Все битвы давно уже разворачивались на других фронтах – в залах судов, в милицейских кабинетах. Для этого в компании Коляна работал целый взвод высокооплачиваемых юристов, немало помогали и «свои» менты в высших структурах – деньги животворящие могут очень, очень многое...

Ленка осталась в столице. Их отношения с Коляном были уже не столь пылкими, как раньше, и скорее походили на отношения двух старых близких друзей, прошедших вместе огонь и воду. Любовь была, но в последнее время они как-то отделились друг от друга. Ленка отпустила его «в поля», так как видела, что он тоскует в золотой клетке. Она знала, что настоящему мужику порой просто требуется забить на всё, залезть в какие-то дебри и героически преодолевать все трудности, которые он, будучи мужиком, а значит, с её точки зрения бестолковым существом, сам себе придумал. Не дай ему воли, дак он или сопьётся, или превратится в бесхарактерного подкаблучника – существо, которое и мужиком-то назвать можно лишь с натяжкой.

Попрощавшись с ней, Колян нёсся на джипе к своему старому ротному товарищу – Володьке, с которым они когда-то прочёсывали зелёнку Чечни и делились последней сигаретой. Тот случайно узнал его на фотографии в какой-то газете и приложив усилия, достойные Шерлока Холмса, вышел на него, несмотря на многочисленные барьеры службы безопасности коляновской империи. Колян был искренне рад его увидеть и они несколько дней пробухали, носясь по столице с кучей охраны и толпой визжащих девок. Ленка с хихиканьем говорила ему:

– Ах ты старый козёл! Седой уже, а всё этих сучек таскаешь! Вот только принеси сразу в дом, я тебе, гадина, обрезание сделаю прямо под корень, будешь скопцом у меня – тихим, спокойным. Как кот. А чо – дети уже есть, хватит! Зачем тебе хрен, если он тебя таскает куда не надо?

Колян вяло оправдывался, врал, что это напраслину на него возводят, а у самого холодело внизу живота. Вдруг и правда кастрирует, с Ленки станется! На самом деле, Ленка возмущалась для порядка – знала, что он ни на кого её не променяет. Но порядок надо соблюдать – мужика надо держать в ежовых рукавицах. А то забалуется.

В общем, погужбанили они с Володькой знатно, с битьём посуды и хачиков в ресторанах. Колян был очень терпим ко всем нациям. Но его терпение лопалось, когда он видел, как стаи молодых кавказцев в центре города танцевали на виду у всех лезгинку и с гоготом задирали подолы русским девчонкам. Из драк с «горскими» чаще всего они с Володькой выходили победителями: боевые навыки не пропьешь, даром что жизнь у обоих была спокойная и невоенная. Пару раз толпа кавказцев едва не затоптала их, но охрана из бывших работников «девятки», строго проинструктированная вездесущей Ленкой, быстро разбрасала „нохчей“ и увезла боевых товарищей, утиравших кровавые сопли, к новым победоносным вояжам по ночной столице.

Расстались они с уговором встретиться летом. Володька предложил заняться поиском на родине, в пещере Кудеяра, где по преданиям должен был находиться огромный клад. Коляну денег особо и не надо было, но вечный зуд кладоискателя толкал его вперёд. Он и сам не заметил, как оказался за рулем прыгающего на ухабистых дорогах авто – один, без охраны, снаряжённый лишь оборудованием для поиска и дорожным скарбом.

Чувство, охватившее его, было странным. Давно он уже не передвигался по жизни так свободно, рассчитывая лишь на себя, свою силу, ловкость и разум. Впрочем, на всякий пожарный в его кармане лежала пластиковая карта, с которой он мог снять сумму, достаточную для покупки небольшого города. Спутниковая связь соединяла его с любой точкой планеты. Один звонок – и прилетят к нему несколько крепких молодых людей, с виду неприметных, но опас-

ных как гюрза. И все же это была иллюзия свободы, которую богатые люди часто не могут себе позволить.

Колян взял сотовый телефон:

– Здорово, Вован! Скоро буду у тебя. Готовь стол, будем питаться и обсудим дела. Жрать хочу! Ленка тут тебе гостинец прислала, даже пузырёк положила – надеюсь, без яда. Материла меня за наш прошлый вояж, ты бы слышал! – Колян засмеялся, выслушал Володькины слова и положил трубку.

Через час он подъехал к небольшому дому друга и посигналил. Володька вышел из калитки, обнял Коляна и они потащили многочисленные сумки и свёртки в дом. Симпатичная супруга Володьки радостно встретила Коляна, хотя и не знала его раньше – Володька женился уже после армии. Она была женщиной доброй и весёлой и знала, что абы с кем муж не дружит, а, значит, его друзья заслуживают уважения и радушной встречи. К приезду гостя был накрыт богатый стол из их семейных запасов и привезённых Коляном столичных редкостей. Чисто для приличия она пожурила Коляна за привезённые вкусности – зачем, мол, у нас самих всё есть, но на самом деле порадовалась гостинцам. Друзья сели за стол, выпили хорошего красного вина, вкусно покушали и, осоловевшие от трапезы, перешли к обсуждению дела.

– Итак, что мы имеем, – начал Колян. – Через продажных архов, за энную сумму денег, я добился официального статуса археолога. Чего только за деньги, мля, не купишь! Так что прошу любить и жаловать кандидата исторических наук!

Колян хихикнул. Он выпустил несколько десятков статей в специализированных и не очень журналах, группа «литературных негров»-историков написала ему диссертацию – всё это было необходимо для получения открытого листа, для придания официального статуса их раскопкам. Без необходимого перечня документов, без статуса археолога копать, конечно, было можно, но возникало бы много преград и вопросов.

– Кроме того, я добился разрешения на проведение работ на Кудеяровой горе с условием впоследствии включить пещеру в туристический комплекс для привлечения в область туристов и развития инфраструктуры и хрен знает чего там ещё... – Колян засмеялся а потом посерьёзnel. – Черт его знает, может и правда такой проект сделаем. Поставлю тебя рулить комплексом, бабки хоть отобъём. Ленка говорит что сейчас в моде экологический туризм. А она у меня финансовый гений, как скажет, так в точку. В общем, завтра займёмся поиском стройматериалов, техники, людей – неделя у нас есть на организацию. Надо купить тут у тебя в городе офис – так выгоднее, чем снимать. Я завтра позвоню, чтобы юриста прислали подобрать варианты и заключить сделку. И, как подготовим всё – двинемся к пещере. Я пару дней поживу у тебя, если ты не против, а потом куплю себе тут домик поближе. Небольшой, этажа на три.

Колян гыгыкнул. Всё-таки, в положении богатея есть свои преимущества. Легли они спать уже далеко за полночь. Разгорячённые вином, в предвкушении новых приключений, они долго не могли разойтись, пока их не шуганула Володькина жена Света, резонно заметившая, что они ещё успеют надоесть друг другу за лето, а вот поспать перед завтрашним бурным днём следовало бы. Коляну постелили в комнате на диване и он уснул под Володькино бубнение с женой за стеной.

На следующий день Колян и Володя запаслись ворохом газет с объявлениями и начали обзванивать организации. Друзья звонили по телефонам, прерываясь лишь на короткие перекусы, да и то лишь по настоятельному требованию Светы. К вечеру нужные стройматериалы и вся необходимая техника были найдены, а на пороге дома появился юрист фирмы, которому тут же поручили искать офисное помещение. Через неделю всё было практически готово к старту – закуплен лес (доски и брёвна), взята в аренду техника (бульдозер ЧТЗ и экскаватор МТЗ), куплен офис – не в центре, но и не на самой окраине. Там и собрался военный совет. Колян и Володька решали, что делать дальше.

– Завтра мы с тобой, Вован, выдвигаемся в село Мох. Осматриваем местность, подбираем помещение под проживание рабочих. Кстати, ты знаешь, где тут можно набрать джамшудов?

– Ясно дело знаю! Они на выезде из города тусуются и на привокзальной площади у памятника Дзержинскому. Наберём сколько надо, лишь бы только, мля, работали как следует. Кстати, Колян, ты продумал – где мы возьмем специалиста по горным работам? Это тебе не хрен собачий... Я кое-что соображаю в этом, но надо спеца, надзирающего над работами. Да такого, чтобы работяг гонял, но по делу, иначе можем огрести проблем.

Они задумались. И вдруг Володька ударил себя по лбу:

– Стоп! Колян, у нас же есть отделение геологии и институт геологии при универе! Кто, как не они, знают спецов по Саратову? Давай так сделаем: ты вали в Мох, ищи там дом или общагу в аренду для работяг, а я – в универ, искать инженера. Сколько мы ему можем предложить?

– Черт его знает, какие тут у вас зарплаты и сколько он запросит за горные работы! Тебе, Вован, виднее – обещай ему сколько хочет, не стесняйся. Бабки есть, а хорошие спецы денег стоят. Ежели у нас джамшудов завалит нахрен в горе, греха не оберёшься. Сколько бы не запросил – всё мало, дело серьёзное. В общем, я пошел на разведку, а ты тут спеца ищи, да и по работягам вопрос остается открытым, пусть он сам работников подбирает. И ещё – снабженца надо. Мы, что ли, с тобой будем думать, какую жратву приготовить, какие стройматериалы привезти? С рабочими валандаться опять же надо – зарплаты, оборудование... Подключи к поискам нашего Плевако! – Колян хмыкнул и кивнул на юриста, который копался в бумагах в углу комнаты. – Вон, Петька не при делах, нагружай его, вишь он какой розовый и здоровенький, он всё потянет!

Друзья засмеялись, глядя на юриста, молодого крепкого мужчину лет тридцати, который при словах Коляна страдальчески сморщился и искоса взглянул на них:

– С вами будет здоровье, как же! Кто мне вчера подливал, когда офис обмывали? У меня в башке эскадрон гусар летучих ночевал. Да и щас там сидит и копытами топочет... и гадит ещё! – он опять страдальчески сморщился и потёр рукой лоб – то место, где по представлениям индийцев находится третий глаз.

– Петруха, нехрен тыковку тереть, давай берись за дело! На тебе делопроизводство, приём на работу, оформление трудовых – в общем, всё то, что мы, люди искусства, физически не можем исполнять, – Колян хохотнул, переглянувшись с Володей.

– Какого это искусства, Николай Сергеич? Двести грамм коньяка залпом выпить? Чуть не отравили меня, несчастного! Как я буду нести службу в таком состоянии? А если серьёзно, тут бухгалтер нужен – закрывать объёмы работ, выплачивать зарплату! Я – юрист! Соображаю кое-что в делопроизводстве, но в бухгалтерии ни бум-бум! Потом сами же будете на меня наезжать за косяки.

– В общем-то ты прав, – почесал в затылке Колян. – Вот что. Дай объявление о приёме на работу бухгалтера, а ещё найди какую-нибудь девку, чтобы сидела на телефоне и отвечала на входящие. Не совсем тупую и чтобы ноги от ушей! Наймёшь дуру, да ещё с короткими ногами – пойдёшь копать в пещеру джамшудом!

Мужики посмеялись, и на том и порешили. Пётр отправился по газетам давать объявления о найме, Володя – в институт геологии, а Колян загрузился в джип и рванул в село Мох, где находилась Кудеярова пещера, определяться на местности. Уже наступил полдень, до места езды-то было всего сто километров, и Колян легко мог смотаться туда и обратно за несколько часов.

Он уже переехал в свой дом, который за неделю успел ему найти Петя. Дом находился в посёлке Сокол, на окраине города. Коляна сразу же привлекло его удачное месторасположение – чтобы добраться от места раскопок до дома, ему и в город въезжать не надо было, а можно было сразу уходить на объездную дорогу. Загруженный, весь в пробках, город и без

того до смерти надоел Коляну, который плохо переносил массовые скопления народа. Участок вокруг дома был огромным, а на его территории располагалась и баня, и гаражи: все удобства за смешные три с половиной миллиона рублей.

Колян с трудом пробился через поток машин к выезду из города – даже на окраине поток был очень плотным. На улицах к тому же работали дорожники, которые, как известно, являются настоящими дорожными террористами, создающими заторы везде, где они латают асфальт или убирают мусор. Колян часто наблюдал, как в час пик посреди оживленной улицы появляются рабочие в оранжевых жилетах, которые выставляют ограждения так, чтобы как нарочно перекрыть улицу ровно наполовину. Необходимости в этом не было никакой и Колян искренне считал, что это – месть работяг более успешным водителям, типа «купили дорогие машины, ездят тут всякие, а я вот тут все щас перегорожу и вы хрен проедете!»! Подобный ремонт порой затягивался на несколько дней, а то и недель: пятеро опухших от пьянства и безделья рабочих с философским выражением лица наблюдали за шестым, который хотя бы как-то пытался работать. С одной стороны, Коляна даже веселила такая картина, а с другой – хотелось выйти, взять плётку и отхлестать этих еле-еле таскающихся, как в замедленной съёмке „террористов“ по их ленивым физиономиям. Но он ехал дальше.

На перекрёстке он заметил нищего со страшным перекошенным лицом, ковыляющего на костылях – одной ноги у него не было. Бродяга просил милостыню у водителей проезжающих машин. Колян достал из кармана полтинник и открыл стекло джипа, с удовольствием впустив в машину тёплый, пахнувший сыростью и распускаясь почками воздух. Инвалид поравнялся с джипом Коляна, тот сунул нищему полтинник, автоматически мазнув взглядом по хромящей фигуре и нажал на газ. Машина рванула с перекрёстка. Колян задумчиво потер лоб рукой – ему почему-то показалось, что он где-то видел этого мужика на костылях. Он недоумевал. В этом городе он никогда не был. Откуда ему знать какого-то нищего. В конце концов, он отбросил эти мысли и, ткнув пальцев в кнопку магнитолы, под рок Серебряного дождя рванул по трассе, легко обходя какие-то ржавые пятёрки и копейки, забитые под завязку дачниками-курдючниками, с рассадой на крышевых багажниках и с дородными тётками в салоне.

Проносились мимо разноцветные миниатюрные машинки, которых Колян боялся как огня, объезжая их за полтора метра – в таких обычно ездили автоледи, от которых можно было ждать чего угодно на дороге. Колян очень любил женщин, но только не за рулём. Иногда ему хотелось выволочь очередную даму из-за руля, схватить её за волосы и крича страшно – «Будешь сука!? Будешь ещё такое вытворять!? Будешь ещё за руль садиться!?!» – бить её за волосы головой в такт словам о борт её блестящего автомобильчика.

Трасса со свежими заплатками чёрного, ещё не испачканного асфальта, тянулась среди бескрайних полей, перелесков, овражков. Россия, типичная Россия лежала перед ним во всём своем великолепии... или убожестве. Колян отключил климат-контроль, приоткрыл окна и полной грудью вдохнул апрельский воздух. Деревья ещё не распустились и стояли голыми после тяжкой снежной зимы. Местами в кюветах дороги, там, куда не сразу заглядывает солнце, виднелись чёрные сугробы смёрзшегося снега, подтаивая тёмными лужами.

Показались Новые Мурасы. Дорога обходила райцентр слева и уходила дальше в сторону села Мох. Колян въехал в село около трёх часов дня, было ещё светло, вокруг явственно чувствовалось приближение лета. Покосившиеся дома села вросли в землю. Мох поражал своим убожеством и грязью: разбитые дороги уже много-много лет никто не латал и даже не собирався. Лишь одно здание выделялось свежей побелкой и бодро развевающимся российским триколором над коньком. Колян сразу направил машину к этому зданию, решив взять быка за рога.

Он заглушил джип, вылез, хлопнув дверью, и вошел в помещение, в котором, как всегда в русских присутственных местах, пахло пылью, старой бумагой и другой канцелярщиной. Он прошествовал мимо нескольких прикорнувших на стульчиках старушек и колоритного

мужика в ватнике с испитым лицом прямо к кабинету главы администрации. Постучав и так и не дождавшись ответа, он заглянул внутрь.

За столом сидела женщина пятидесяти лет с выбеленной до состояния мочалки причёской, преисполненная уважения к себе и к своей деятельности, а также презрения ко всему остальному миру. Она взглянула на Коляна со смесью удивления и отвращения, как на внезапно упавшего с потолка таракана.

– Что хотели? К кому?

– Нуууу... Как бы к вам, познакомиться... – протянул Колян, оглядывая даму и выбирая стиль поведения с ней.

– А вы вообще кто?

– Я-то? Я вообще человек, – Коляну даже стало весело. Давно с ним никто так не разговаривал.

– Ну я вижу, что не привидение, – фыркнула женщина. – Что хотели-то?

– Я руководитель археологической экспедиции, которая будет вести раскопки в Кудеяровой пещере. Зашёл познакомиться с вами, наладить контакты для взаимовыгодного сотрудничества.

– А почему я не знаю ничего ни о какой экспедиции? – внезапно повысила голос женщина и в ее голосе послышались истеричные нотки. – Почему без моего ведома какие-то экспедиции?!

– Ну я не знаю, можете позвонить председателю областной думы, он все вам объяснит. Он-то точно знает о нас, поддерживает.

– Дааа? Хммм... Ну ладно, – ослабила хватку женщина. – А чего от меня-то надо?

– От вас – консультации, помощь в размещении экспедиции, – пожал плечами Колян. – Нам необходимо помещение для рабочих, столовая если есть, где можно готовить.

– Нет у нас помещений! Вы что, не видели, что в селе делается? Разруха полная. Колхоз давно не работает. Молодёжь поразъезжалась, одни старики да алкаши остались. Ищите, где пристраиваться, я вам ничем помочь не смогу, – вздохнула она.

Колян понял, что тут нечего ловить. Он коротко попрощался с дебилой дамой и, запрыгнув в джип, медленно покатыл по дороге, рассматривая дома и редких жителей села, бродивших возле своих домов и сгребавших зимний мусор в кучи для просушки и сожжения. Он остановился возле одного дедка и попросил его указать дорогу к Кудеяровой пещере. Дедок охотно объяснил дорогу, с любопытством поглядывая на иностранную машину с мощным проектором, надписями на боках и иногородними номерами.

Колян двинулся по грязной, тряской дороге, разбитой копытами сотен коров и овец, вдоль покосившихся домишек, прицепившихся к склону горы, мимо вспаханных еще с осени огородов. Затем дорога ушла в лес. По ней текли потоки воды – видимо ещё не до конца сошли талые воды. Поток был настолько сильным, что если бы не высокопроходимый джип, Колян вряд ли продвинулся бы дальше. Грязные лужи с липкой грязью усеивали путь как маленькие озёрки. Колян внимательно осматривал окрестности возле дороги, потом опытным взглядом приметил место, что-то вроде лужка возле реки Соколки, которая несла свои жёлтые, как вода Хуанхе, струи из-под горы.

«Тут можно поставить палатки, большие, солдатские, – подумал он. – А что – сейчас лето уже, не замёрзнут, тут и кухня, и туалет разместятся. Надо будет оборудовать лагерь по всем правилам – и проблема с помещением решена, и всё рядом, до пещеры – рукой подать».

Его джип вынырнул из очередной грязной лужи и выскочил из леса на склоне горы. Дорога уткнулась в тупик, окончившись чем-то вроде полянки для пикника, загаженной бутылками и всяческим мусором. Колян заглушил движок машины, вышел на влажную траву и направился вперёд пешком, взбираясь на склон горы и скользя по грязному дёрну. Он шел,

пока не заметил тёмную дырку в склоне высотой вполовину человеческого роста, когда понял – вот она, пещера.

Согнувшись, он вошёл в пещеру. В ней было очень холодно, как в холодильнике. Коля включил фонарик, который взял с собой, осмотрелся – песчаная почва, что-то вроде суглинка. Стоять в полный рост было нельзя, только согнувшись вполовину.

«Работы много, – подумал Колян. – А вдруг там что-то и правда есть? И зачем мне это, а? Просто любопытство? А почему и нет! Деньги есть, солить мне их, что ли, могу себе позволить и почудить! А вдруг там и правда железные двери, амбарные замки с поросёнка величиной...»

Колян хохотнул, но почувствовал, как в глубине души нарастает знакомое радостное возбуждение и ожидание чего-то чудесного. Поисковик никуда не делся, как оказалось. Просто он затаился до поры до времени...

Колян вылез из пещеры и упругим шагом пошёл к джипу, чтобы направиться назад, в город. Пора было вывозить экспедицию на место.

Глава 3. Колян оказывается в подземной ловушке

Закон# 456

Трупы граждан необходимо немедленно хоронить за пределами города или сжигать на кострах.

Колян медленно пошевелил рукой. Прохладная сырая земля с трудом отпустила его руку. Он поднёс руку к глазам, туго соображая: *«Почему темно? Где я? Что вообще случилось-то? Я ослеп?»*

Голова страшно трещала, просто разламывалась от боли. Он сосредоточился на своих ощущениях. Щека лежала на песке... или это не песок? Запах влажной земли щекотал нос.

«Замуровали что ли? Что за херня? Где я вообще? В блиндаж провалился что ли?»

Коляну почему-то привиделось, что он опять копает по войне. Как и не было этих долгих лет, как будто кто-то стёр, как ластиком, воспоминания о прошлом. Он с трудом пошевелился, скрипя суставами и, застонав, произвольно встал на колени, опершись на руки и тупо глядя в пол, который всё равно не было видно в глухой холодной тьме.

«Так. Где я? Блиндаж? Нет. Пещера какая-то. Какая?» – он встряхнул головой и начал шариться по сторонам руками, нащупал что-то твёрдое. – *Ботинок? Откуда ботинок? Мои на месте?! На месте».*

Он протянул руку дальше и, как обжёгшись, отдернул – обнаружил владельца ботинка. Нога в вонючем носке. Холодная.

«Труп? Что тут вообще произошло? Откуда жмур?» – Колян собрался с силами и пополз в сторону трупа, шаря руками по полу. – *Так – фонарь? Ага, налобник. Липкий какой-то...»*

Он потянул к себе фонарик за упругие резинки, стараясь не думать о том, В ЧЁМ был испачкан фонарь. Щелчок кнопки сбоку, и пространство залил тусклый белый мертвенный свет. Колян огляделся – он находился в узком тоннеле, где можно было согнувшись стоять во весь рост. Тоннель был схвачен крепью из двадцатисантиметровых столбов. Местами столбы выгнулись так, что непонятно было, как они ещё держат толщу грунта над собой. А там, где очнулся Колян, столбы были сломаны как спички, грунт осыпался, и из под него торчали ноги человека. Они лежали прямо на рельсах, по которым каталась вагонетка – никто ещё не придумал лучшего способа вывозить грунт в отвал, чем вагонетка по рельсам и дешёвый тупой труд.

«Я под землёй, меня прибило куском крепи. А там труп. Я ни хера ничего не помню. Ладно, надо вначале выбраться, а думать, как так получилось, буду потом».

Колян пошёл по рельсам в ту сторону, где проход был свободнее – в другую он был практически наполовину засыпан. Оставалась лишь узкая щель, лезть в которую он не испытывал ни малейшего желания – один чих, и гора просядет и тут уже без вариантов – неживой пример этому лежит на полу, одни ноги торчат. Через метров сто тоннель упёрся в груды песка и глины, наглухо перекрывших ход.

«Глухо. Точно замуровали... Да где же я, черт побери?!»

У Коляна стали всплывать какие-то смутные картинки, воспоминания, но голова так трещала, что его тошнило. Он отбросил усилием воли мысли и побрёл назад. Подошёл опять к трупу, осмотрелся.

«Хорошо, что эти налобные фонари жрут мало энергии и надёжны, а то бы в темноте сейчас сидел... Но надо поторпливаться – батарейки не вечны».

Он подобрал штыковую лопату на деревянном грязном черенке, подошёл к куче земли, похоронившей какого-то человека и начал аккуратно копать. После четверти часа копания куча над трупом уменьшилась настолько, что он, боясь зацепить лопатой труп (или не труп?!) стал

разгребать песчаную почву руками, отбрасывая её по-собачьи назад. Когда тело открылось полностью, Колян посмотрел в обезображенное ударом брёвен лицо – незнакомый. Он обшарил карманы неизвестного, выгребая горстями из них песок – зажигалка, смятая пачка сигарет, перочинный ножик, замусоленный и грязный. Всё.

Колян обессиленно отвалился в сторону. От проделанной работы у него ещё больше разболелась голова и сильнее затошнило. Он наклонился в сторону и его вырвало какой-то желчью, слизью. Он сотрясался в спазмах рвоты, потом откатился в сторону от мерзкой лужи и обессиленно подумал: *«Сотрясение, по-ходу... Ничего, отойду, не первый раз».*

Он закрыл глаза и провалился в спасительную бархатную черноту, едва успев выключить драгоценный фонарик. Прошло некоторое время. То ли он спал час, то ли полчаса, то ли сутки – под землёй время течёт медленно и неизменно, пока наверху проходят века. Под землёй тихо и темно, и лишь капли воды отмечают время.

«Капли? Откуда капли? Вроде слышно капли было?» – подумал Колян очнувшись. – *Пить хочется до смерти... Надо воду искать, а то превращусь тут в мумию нахрен... Потом найдут – скажут Кудеяр, мля, засох.* – Колян хохотнул про себя – *Кудеяр? Какой Кудеяр? Что-то знакомое. Что-то связанное с этим местом – Кудеяр-пещера... Кудеяр... Да я в Кудеяровой пещере!»*

К Коляну стала возвращаться память.

«Вот меня шарахнуло, все мозги отбило, всё позабывал нахрен. А раз я тут, ещё и вместе с жмуром – почему не откапывают? Какого хрена? Эдак и сдохнуть тут можно».

Колян нащупал лопату рядом, поднялся, опираясь на неё как на костыль, и включил самый малый уровень яркости фонаря. Побрёл к завалу, перегородившему другую сторону тоннеля. Между завалом и крепь стены оставалась узкая щель. Он сколько мог осторожно расширил её, заглянул за осыпь – рельсы тянулись дальше. Колян вернулся к трупам, еще раз все внимательно осмотрел вокруг. В углу нашлась початая литровка колы. Он подхватил её, открыл крышечку и жадно глотнул тёплой шипучей жидкости. Его сразу затошнило, он с трудом сдержал позыв – не переводить же добро – неизвестно, когда ещё попьёт теперь. Постоял, сунул бутылку за пояс и решительно заковылял к щели завала.

Коля лёг на бок и, извиваясь как червяк, стал протискиваться в щель, с ужасом думая, что вот сейчас гора сдвинется и размажет его, как соплю по стене. Но Бог миловал и он благополучно перевалился через кучу.

Фонарик отбрасывал мертвенный свет на стены и потолок, прогнувшийся под грузом горы, на рельсы, неровно сходящиеся и местами оторванные от шпал.

«Здорово досталось тоннелю, подумал он. Спасло только то, что крепь хорошая, по всем правилам, выдержала... почти».

Колян побрёл вперёд с лопатой в руке. Ему показалось, что воздух, до того совершенно неподвижный, сдвинулся и коснулся его щеки прохладным дуновением. Он достал зажигалку и щёлкнул ей. Пламя с секунду колебалось и отклонилось вперёд – где-то там был выход, там, куда вытягивало воздух из тоннеля. Это порадовало Коляна. Он пошёл дальше.

Через метров 150 тоннель неожиданно оборвался в пустоту. Рельсы с прибитыми к ним шпалами торчали над пропастью, из которой тянуло холодом и сыростью. Он прислушался и услышал далеко внизу капель и журчание. Колян лёг на пол и осторожно подполз к краю, заглянул. Фонарик почти не доставал до дна провала, но было понятно, что там журчит небольшой поток воды, который стремился куда-то. Высота с трёхэтажный дом... Обрыв почти отвесный, внизу – насыпь из глыб песчанистого грунта и глины. Видимо, при сдвиге грунта открылась скрытая ранее полость, тоннель шёл прямо над ней.

Колян отполз назад, выключил фонарь и задумался.

Остаться у входа? Ждать когда откопают? А если НЕ откопают – хрен знает что там случилось наверху. Спуститься вниз? Попробовать вылезти наружу? А если не получится, тогда – что? Подышать внизу? А не один хрен, где подышать?

Деятельная натура Коляна не могла позволить ему сидеть и ожидать смерти. Он привык двигаться, бороться – и никак иначе.

«Как слезть вниз? Высота приличная. Сверзшись – мало не покажется, можно и башку сломать. Да и не только башку, ноги переломать – хорошего мало. Верная смерть. На руках что ли выползать... Кучи внизу вроде рыхлые. Каменюхи глиняные есть, но совсем немного. Если спуститься, повиснуть на руках, а потом аккуратно прыгнуть – уже высота поменьше будет. Грохнусь на кучу», – решил он.

Кинув вниз лопату, Колян проследил, как она, падая, воткнулась в грунт и, удовлетворённый, начал готовиться к десантированию – спустил ноги вниз, повиснув на руках, вытянулся и с замиранием сердца отпустил руки.

Удар был, конечно, тяжкий. Колени чуть не выбили ему челюсть. Он упал на бок, перекатился и замер, больно ударившись боком так, что искры посыпались из глаз. Фонарик улетел, правда, недалеко. Первое, что он сделал после того как отошёл от прыжка – пополз на бледный холодный свет фонаря.

«Хорошо, что не в воду», – подумал он. Колян внимательно осмотрелся. И вдруг с интересом заметил ниже в стене овальный ход, явно сделанный руками человека. Он пробрался по куче песка и глины к ходу и вошел в него. Ход был метра полтора высотой. Колян сделал несколько шагов и оказался в довольно большой комнате, заваленной каким-то барахлом и ящиками. Колян вытаращил глаза:

– Мляяя... Неужели это то, что мы искали?!

Он с замиранием сердца подошёл к ящикам и начал там шарить. Какая-то посуда, похоже, серебряная. Сабли. Стволы старые – железо довольно хорошего сохранилось, почти не тронута ржавчиной.

«Откуда ржавчине появиться – тут же сухо и вентиляция», – отметил он про себя. И тут же спохватился. – *А откуда вентиляция?»*

Колян осмотрелся и увидел узкое отверстие в потолке – видимо, что-то вроде дымохода, выводящего в верхние штольни. Он пошарился ещё – ларцы с монетами. Ветхая, распадающаяся одежда старинных покровов, какие-то уздечки, опять оружие – кинжалы, ножи, сабли...

Он выдвинул один нож из ножен. Его лезвие, скрытое ранее в лакированных кожаных ножнах, замерцало в свете фонаря странным витым узором. Колян подумал и заткнул нож в ножнах себе за ремень. Может пригодиться, да и вообще Колян всегда испытывал слабость к хорошему холодному оружию. Он окинул ещё раз взглядом сокровища и подумал:

«Везёт же тебе, Колян! Люди за всю жизнь находят два пятака, и те гнилые. А ты уже второй схрон нашёл, да какой! Даже слишком хорошо... Чего же там наверху-то народ делает, с какого хрена меня не откапывают?»

Он повернулся и пошёл на выход. Поток мутной жёлтой воды так и журчал перед ним. Колян спустился с груды песка и глины, вошёл в поток воды и побрёл вниз по его течению. Большая пещера-провал скоро закончилась, промытый потоком ход становился всё уже и уже. Колян наклонился, потом пополз практически на четвереньках. Ему стало страшно. Стены смыкались, вызывая чувство клаустрофобии, даже у него, довольно спокойно относившегося к фобиям и маниям.

Наконец подземная река поднялась к потолку пещеры так, что у Коляна снаружи осталась лишь голова с фонарём. Он сидел по шею в потоке холодной воды, с каждой минутой вымывающей из него тепло и жизнь. Его трясло от холода, руки немели. Он выключил фонарь и всмотрелся в пустоту. Глаза после непродолжительного времени привыкли к темноте и ему показалось, что будто бы впереди, над потоком жёлтой мутной воды, забрезжил свет.

Колян подумал, лёг на спину, и, высунув из воды лицо, поплыл, отдавшись течению потока. Воды подземной реки были быстрыми, пронесившийся над ним потолок бил Коляна по лбу, сдирая кожу и засыпая глаза песком. И вдруг неожиданно поток воды выплюнул его из горы, как отброс.

Колян плюхнулся, подняв брызги, в небольшой водоём у ее подножия, окружённый кустами и деревьями так, что практически не был заметен с берега. Он выбрался на берег, заросший травой и забылся, поливаемый проливным дождём. Так, без движения, он пролежал с полчаса. Затем перевернулся на спину и стал осматриваться. Приподнялся на колени – картина его обескураживала, он не узнавал пейзажа. Деревья сломаны, местами под корень. В кустах застряли палки. В водоёме плавали груды мусора, брёвна и два плавающих трупа, частично разукомплектованные – у одного не было головы, у другого – ноги до колена.

Коля в оцепенении смотрел на эту картину. Создавалось такое впечатление, что над Землёй пронёсся страшный ураган, разметавший всё, что мог.

«Да что же здесь нахрен случилось-то! Вот почему гора сдвинулась. Хорошо, не похоронила меня там. Да, Колян, видать, ещё не твоё время. Никак тебя не приберёт бабенка с косой, а ведь сколько раз рядом махала... и вот опять».

Он поднялся и стал медленно, но верно продираться через заросли кустарника, перелезая через упавшие стволы деревьев. Через тридцать метров он вышел на дорогу, ранее бывшую вполне проезжей, а теперь размытую потоками непрекращающегося ливня и состоявшую из жидкой грязи и промоин. Он увидел место, где раньше был их лагерь, лагерь кладоискателей – палаток, навесов над обеденным столом. Сейчас там не было ничего. Два тяжёлых грузовика, на которых они привозили стройматериалы, валялись вверх колёсами, будто громадным великаном заброшенные на противоположный край оврага. Один обгорел и обуглился – видимо, при падении замкнуло проводку и он воспламенился. Людей не было. Джип Коляна торчал в обрыве, как раздавленная лягушка.

Колян досадливо поморщился: *«Теперь пёхом идти до деревни 3 километра. Эх, ну и хер с ним – главное, живой. А тем, что навсегда остались плавать в реке или лежать под завалом в горе – не повезло. Бог знает, что тут происходило в это время снаружи, но явно ничего хорошего. Топать надо».*

Коляна бил колотун – злой дождь хлестал по коже струями, как плетьюми. Коля полез к грузовикам и обшарил их. Нашёл в одном, не сгоревшем, старую спецовку и засаленную фуфайку, восхитительно сухие, клацая зубами сбросил свою мокрую одежду и переоделся, оставив из своего только ремень, на который он повесил нож, захваченный из сокровищницы в пещере. Почему-то эти сокровища уже почти не волновали его – слишком всё вокруг было неожиданно и странно, и стало как-то не до них.

Колян потрусил быстрым шагом-полубегом в сторону деревни, стараясь движением согреться как можно быстрее. Ноги его разъезжались в грязевых лужах, жёлтая речка рядом вспухала от потоков, несущихся из Кудеяровой горы, и норовила смыть дорогу начисто.

До деревни в другое время было пешком около 40 минут. Коля проделал этот путь за два часа. Наконец показалась окраина деревни, или, скорее, то, что от неё осталось. Большинство из домов были разрушены, снесены до основания как бульдозером, у оставшихся стоять как минимум не было крыш. Деревня молчала. Не было слышно ни лая собак, ни гоготанья гусей. Её как будто вымели веником. Коля вошёл в деревню. Столбы поломаны или вывернуты из земли. И трупы. Куски трупов. А над ними ветер, хлещущий потоками воды.

Коле неожиданно подумалось: *«Земля наконец-то решила смыть с себя эту плесень – людей. Задолбали её, вот и получили. Но надо жить дальше – я же как гавно непотопляемый и не сдохну никак. А раз не сдох – надо жить. Выжить.»*

С этими мыслями он двинулся в обход домов деревни.

Глава 4. Колян попадает в другой мир

Закон #339

Все найденные допотопные продукты, медикаменты, боеприпасы, а также топливо и другие необходимые для выживания ресурсы необходимо сдавать в пункты приема для справедливого распределения между всеми гражданами Руси.

Колян медленно пошёл по главной улице деревни. Он видел апокалиптические фильмы ужасов и реальность их до жути напоминала. Отличие было лишь в том, что после атомной войны холод должен быть невероятный. А он с удивлением понял, что, в общем-то, несмотря на потоки нескончаемого дождя, погода-то стояла нынче необычайно тёплая. Просто невероятно тёплая. Выйдет солнце и вообще будут тропики. Это тем более странно для климата средней полосы, под конец мая.

Колян выбросил эти мысли из головы, решив вернуться к ним позже, когда будет свободное от выживания время. В воздухе пахло тленом. Трупы были везде. Размазанные по деревьям, по заборам... как будто гигантская рука сдёрнула шляпы с деревенских домов и выдернула из них обитателей. Что случилось? ЧТО?! Колян ошеломлённый шёл по улице, ковыляя, как зомби из сериала.

«Продукты, одежда, добраться до города – вот главные задачи. В городе что-то, да прояснится. Пешком туда – 100 километров. Три дня хорошего хода. Машины вокруг все перевернутые. Но ведь в деревне должен быть трактор, и не один. Возможно, уцелел какой-нибудь тяжёлый трактор – кировец или бульдозер гусеничный...»

Колян двинулся дальше, заходя в дома колхозников. Он обшарил несколько шкафов, холодильников. Основная масса продуктов была испорченной, но нашлось несколько банок с консервами, тушёнкой. В одном доме он нашёл охотничье ружьё с патронами, упакованными в полиэтиленовые пакеты. Дробь была утиная, пятёрка, но с пяти метров заряд утиной дроби перебивает ветку в руку толщиной как пуля. Слава Богу, что производители упаковывают пачки патронов в пакеты, непромокаемые и крепкие, иначе бы толку от них. Ружьё было обычной Бээмой 16 калибра, старое, ржавое снаружи, но, как обнаружил Колян, внутри стволы блестели хромом, сияли как с конвейера, и никакой качки стволов... курковка. Тупо, надёжно и вековечно. Колян набрал патронов в пачках сколько было – сотни три, не меньше, уложил в нашедшийся тут же зелёный выдавший виды рюкзак, бросил туда консервы, ложку-вилку, завязал горловину и устало огляделся.

Его мучило двойственное, горькое чувство – вот жил охотник, любил, охотился, мечтал... и нет его. Только его вещи с отпечатком его души, и его смерть даёт жизнь другому. Как всегда в этом мире: смерть – это не конец, а начало чего-то нового, живого. «Из праха вышли, в прах уйдём...» Колян, крякнув, накинул на плечо рюкзак, вдел другую руку в лямку, слегка подпрыгнул, поправляя рюкзак за спиной, повесил на грудь ружьё, предварительно загнав в стволы патроны, и шагнул из хаты наружу. На улице он огляделся. На краю деревни торчала – раньше торчала – высокая башня сотовой связи. Бело-красная, теперь она лежала на земле, согнутая исполинской рукой, пригнутая, как в низком поклоне перед гигантской силой природы.

Коля определился на местности и пошёл туда, где по его разумению мог быть транспорт. Через 20 минут он увидел мехдвор, закиданный кусками металла с крыш и покрышками. Он осмотрел двор, с горечью отметив, что ничего дельного так и нет – тракторы мтз, что там были, перевернуты и разбиты, даже комбайн завалило на бок и он валялся на... Колян вначале подумал – на земле – но заметил, что комбайн лежит не на земле, а на тракторе дт-75, придавив

его массой. Видимо, потому и остались они целы, ну почти целы – масса была такая, что его не смогло сдвинуть даже то, что буйствовало снаружи, пока Колян «парился» в норе.

Колян обошёл трактор. С первого взгляда всё кажется исправным – должен завестись. Как заводить? Он осмотрел трактор – пускач был уже современный, с кнопкой стартера, аккумулятор на месте. Впереди – нож бульдозера опущен, как обычно, на землю. Комбайн слегка подмял крышу бульдозера, но почти не повредил его.

«Ну, танк и есть танк, – подумал Колян. – Теперь бы ещё завести его... Это тебе не джип».

Он повернул ручку дверцы кабины, дёрнул, дверца распахнулась, и он уселся на засаленное сидение бульдозера, покрытое старым одеялом. Стал разбираться в кнопках и рычагах. Через полчаса осмотра он более-менее понял принцип работы – машина была проста, как трёхлинейка. Он нажал кнопку стартера пускача, тот с скрежетом закрутился, стрельнул. И затарахтел неожиданно громко в тишине мёртвой земли. Колян включил сцепление с дизелем, тот завёлся, выбросив из покрытой заслонкой трубы облачко сизого дыма. Пускач затих, трактор ровно тарыхтел дизелем.

Двигатель на удивление ровно работал, была надежда что и остальные узлы трактора были в таком же хорошем состоянии – наверное, так и было на самом деле, местный фермер хорошо ухаживал за своей рабочей лошадкой. Если раньше в деревнях кормилицей была лошадь, то в современных деревнях ее место занимал трактор мтз и дт-75 – самые простые, надёжные, а самое главное, сравнительно недорогие в эксплуатации модели. Любой сельский механик мог отремонтировать такой за короткое время буквально на коленке, если, конечно, был не пьян.

Колян поискал рычаг поднятия ножа, включил его и нож пополз вверх, замер в верхней точке. Коля передвинул рычаги, выжав педаль, отпустил ногу, и... трактор дёрнулся и со скрежетом и визгом железа стал медленно выползать из под прижавшего его комбайна. Наконец дёрнулся, рванулся и вскочил на дорогу. Комбайн с грохотом рухнул на бок, подняв кучу брызг из грязевой лужи. Трактор Коляна бойко тарыхтел и шлёпал гусеницами по улице деревни, подминая кучи мусора, раздавливая брёвна и доски из развалившихся домов.

Неожиданно Колян заметил дом, явно напоминающий сельский магазин – почему-то они строились в советское время как по лекалу, ошибиться было невозможно. Как ни странно, и крыша у него была на месте – умели же строить во времена военного коммунизма. Окованная оцинковкой дверь была закрыта на железный огромный засов с большим амбарным замком. Колян, недолго думая, развернул бульдозер и двинул его на дверь магазина. Он зацепил дверь краем ножа и начисто снёс её вместе с косяком и окном, зарешёченным решёткой времён ГУЛАГа. Остановил трактор, вошёл в магазин.

На прилавках лежали продукты – мешки, коробки, различная утварь. Коля зашёл на склад и увидел ряды мешков, коробок. Целое сокровище. Колян задумался – куда и, главное, как его погрузить? Не в кабину же трактора, там и так развернуться еле-еле можно. *«Нужна тележка!»* – осенило его. Где взять тележку? Ясен хрен где – на машинном дворе.

Колян чертыхнулся, что догадался сразу, развернул на месте бульдозер и зашлёпал траками в сторону мехдвора. На мехдворе он нашёл почти целую тракторную тележку, перевёрнутую вверх колёсами, подцепил к ней длинный стальной трос, зацепил телегу за бок и трактором осторожно перевернул её на колёса. Телега была вполне приличная, со стальными бортами. Он подкатил к телеге задом, с непривычки чуть не впечатав трактор вместе с телегой прямо в стену ремонтного цеха. Наконец остановился, вылез и стал кряхтя от напряжения закидывать дышло телеги в фаркоп трактора: в обычное время это делают вдвоём – один держит фаркоп, другой подаёт трактор. Но он был один, и рассчитывать на помощь не приходилось. Колян пытался заправить фаркоп, но так и не смог, хотя чуть не порвал жилы. Потом нашёл чурбак повыше, приподнял дышло телеги на него и стал манипулировать бульдозером, целясь фар-

копом в телегу. После пятого раза, в очередной раз сбив с чурбака дышло и изматерившись самым отборным матом, он всё-таки с грехом пополам воткнул дышло в фаркоп, вылез, сунул стальной палец в прорезь, залез обратно и поехал к магазину, таща за собой телегу.

У магазина Коля остановился, подогнав добычу практически вплотную к выходу. Потом зашёл в магазин, нашёл стул за прилавком и со стоном облегчения опустился на него. Под крышей было гораздо уютнее, чем снаружи, под проливным дождём. Он даже забылся минут на двадцать беспокойной дрёмой, провалившись в сон как в омут – видимо, физические и психологические перегрузки давали о себе знать, организм защищался как мог.

Он с трудом продрался сквозь сон, встряхнулся и начал погрузку. Бесконечные мешки, коробки, ящики с бутылками – он старался укладывать всё плотнее, чтобы забрать с собой как можно больше найденного барахла. Он уже давно подозревал, что ничего хорошего в будущем людей не ждёт. И те, кто успеет запастись – спасутся. Вспомнить хотя бы начало войны, когда дураки с апломбом кричали, что шапками закидают врага, что запастись не надо и с презрением смотрели на тех, кто в лихорадке скупал в магазинах соль, сахар, чай, мыло. Те, кто этого не сделал потом горько пожалел об этом.

Погрузка затянулась, стало темнеть. Колян после длительных поисков нашёл в углу про-резиненный тент, чему невероятно обрадовался – дождь всё не прекращался и продукты точно бы испортились под струями воды. Он вытащил громоздкий тент с трудом и накрыл груды в телеге. Потом заглушил двигатель трактора – всё это время машина тарахтела на холостых оборотах, взял рюкзак с патронами и ружьём из кабины и пошёл в магазин. Пошарился на полках, нашёл полотенце и сухую одежду, разделся, вытерся, переделся в чистое. Достал из рюкзака те банки тушёнки, что раньше бросил туда, и оглянулся в поисках орудия, которым можно было бы их открыть. Не найдя ничего, усмехнулся и достал нож, взятый им из сокровищницы в пещере. Узорчатое лезвие с шорохом вылезло из чёрных лаковых ножен. Колян прикинул, положил банку на бок, размахнулся и рубанул по круглому боку ближе к краю банки. Лезвие легко, как картон, разрубило жестянку и воткнулось в деревянный прилавок.

«Ничего себе – вот ведь булат так булат!» – Колян довольно усмехнулся. – *Умели делать ножи в старину».*

Он поднял куски банки и начал из них с жадностью выколупывать розово-коричневые куски мяса, облепленные прозрачной дрожалкой бульона. Только сейчас он понял, как страшно проголодался. Мозг, напряжённый стрессом, не позволял ему чувствовать голод, всё это время он только пил – благо было питьё в бутылке с колой, поднятой им в пещере. Он, жуя, обшарил глазами стойки с товарами, заметил бутылку коньяка и выматерился, прочитав этикетку:

– Сучок грёбанный, из опилок суки гнали! А чего ты хотел в деревне – Мартель, что ли?

Он сорвал винтовую пробку, приставил к губам бутылку и с отвращением отпил пахнущую клопом жидкость, огнём пролившуюся по пищеводу в живот. Сморщился, сплюнул, закусил остатками тушёнки. На полке нашёлся также пакет с деревянными пряниками, которые Колян безо всякого удовольствия пожевал, запив колой. Он снова приложился к бутылке – ему надо было сбросить стресс, да и голова, ещё не прошедшая после сотрясения и отдающаяся дикой болью в затылок, требовала немедленной анестезии. Уставился на бутылку – половины уже не было. Хватит. Напиваться сейчас не просто глупо, но и опасно – надо быть начеку. Он отправился на склад, нашёл там лежанку – видимо сторож или продавщицы отдыхали в свободное время, улёгся там, подтянув поближе ружьё и уснул.

Проснулся Колян с рассветом. Звёзды уже погасли на небе и край красного солнца медленно выдвигался из-за горизонта. Тучи немного разошлись и дождь прекратился. Впрочем, одного взгляда на небо было достаточно, чтобы понять, что это лишь на время. Колян потянулся, размял мышцы и продолжил погрузку продуктов и вещей в телегу. Телега была хорошая, большая, видимо в ней возили или силос, или сено – объём её как нельзя лучше соответствовал целям Коляна.

Погрузку он закончил во второй половине дня, весь вымотанный, злой как собака и усталый. Дождь, отпустивший до обеда, опять взялся лить тропическими потоками. Коляна не отпустила мысль, что все это было довольно странно – жара, до обеда солнце, а потом проливной дождь, как в джунглях. Его раздражение сменилось беспокойством.

Колян завёл трактор и внезапно ему пришла в голову мысль – а горячее-то он посмотрел? Тарахтеть тарахтел, а кто заправил трактор-то? Он полез на фаркоп, к баку, отвинтил крышку, потом нашёл палку и замерил уровень солярки. Её было на четверть бака.

– Вот был бы фокус, если бы я встал по дороге! – недовольный собой, пробормотал Колян. – Что значит – башку отбило. И не подумал даже, что заправиться-то где-то надо будет по дороге, путь-то не близкий.

Он влез в трактор и поехал к мтс. Осмотревшись, он нашёл заправку для сельхозтехники. Емкости с соляркой были полузаглублены в землю, и летевшие, видимо, при урагане брёвна и тяжёлые предметы ничего не смогли сделать им. Только в одном месте краем зацепили и оставили большую глубокую вмятину на цистерне – видимо, в них врезался жигулёнок, который валялся рядом вхлам разбитый. Как ещё не загорелся... Дождь помешал? Впрочем, это только в кино машина взрывается от пули или плевка главного героя. На самом деле, её может размазать по дороге, а пламени не будет.

Колян хмыкнул и выбросил жигулёнок из головы – были проблемы и поважнее. Например, как запасти горючку. Он нашёл заправочный модуль – слава Богу, что тот был рассчитан для работы в колхозе. Привод насоса был ручной, сразу предполагалось, видимо, что будут перебои электричества. Он нашёл шланг, вставил его в бак трактора и начал вертеть ручку насоса. Из шланга полилась струя горючего в бак.

В маленькой бендешке с хилым замком, тут же сбитым на землю, стояли бочки из-под горючего. Не все из них были пустыми, но Колян один не смог бы их втащить в телегу. Поэтому он взялся за пустые, чтобы погрузить их и уже в телеге залить горючим. Тужась и треща суставами, он занимался этим несколько часов. Истошив запас мата и сил, он плюхнулся на сиденье трактора и, после короткого отдыха, потащился опять к магазину.

Время уже шло к ночи, поэтому смысла куда-то ехать уже не было. Он поставил трактор с телегой у магазина и решил прошвырнуться по домам – может, там найдётся ещё что-то ценное. В магазине он нашёл фонарик и батарейки – налобник он потерял в воде, когда плыл с потоком. Теперь он не зависел от темноты и мог спокойно помародёрствовать.

Два часа мародёрства принесли неожиданный результат – в одном доме, видимо доме егеря – он обнаружил карабин «Сайга» 7.62, несколько ружей, много патронов. Добычу он тут же перетаскал в магазин. С таким арсеналом он уже чувствовал себя гораздо увереннее. Он лёг спать очень уставшим, но удовлетворённым результатом двухдневных работ. Только одна мысль не давала ему покоя – что случилось? Что за катастрофа обрушилась на мир? И, главное, что с его семьёй, с Ленкой? С этой мыслью он и уснул, провалившись в тяжёлый, наполненный беспокойными видениями сон. Утром ему ехать в город. Что там его ждёт?

Глава 5, в которой Колян оказывается на грани жизни и смерти

Закон #175

Каждый гражданин Роси вне зависимости от пола, возраста и религиозных воззрений, обязан в совершенстве владеть навыками самообороны и уметь обращаться с холодным и огнестрельным оружием.

Есть одно преимущество у тяжёлой техники – танков, тракторов дт-75 – прут они без оглядки на лужи, на поперечные промоины, в которых уже бы мог безнадежно сидеть жигулёнок или даже рослый джип. Но, конечно, нет техники без недостатков – сидеть в кабине дт-75 было не очень удобно. Колян потёр затёкшую спину – тяжёлый труд тракториста. Он предпочёл бы пролежать весь день в снайперском схроне, чем на протяжении нескольких часов ехать за рычагами этого монстра, но выбора не было. А если бы и был другой транспорт, толку от него было бы, как от заклинания вуду при отгоне тучи комаров.

Дорога была забросана хламом – повсюду валялись искрошенные собачьи будки, сломанные стволы деревьев и телеграфные столбы. Тот ураган, что по неизвестным причинам прошёл над Землёй, причёсал её как частым гребешком – окружающее напоминало место падения тунгусского метеорита.

Двигатель тяжёлой машины мерно тарыхтел на средних оборотах. Время от времени Коляну приходилось останавливаться и ножом сталкивать в сторону преграды на дороге – бульдозер-то перевалился бы через препятствие, но сзади за ним тащила телега с кучей барахла, которая точно бы не прошла безболезненно через противотанковые ежи, поставленные природой.

Наконец, километрах в двадцати от деревни дорога стала почище. Колян расслабился, и в голову полезли мысли – что же произошло? Американцы применили погодное оружие? Бред из газетки жёлтой прессы. Такие катаклизмы не оставляют без участия никакие страны, вполне возможно что и им досталось. Так что случилось? Колян задумался, придерживая рукой рычаг. В голову приходило лишь одно объяснение, казавшееся ему наиболее верным: учёные давно выдвинули идею цикличности катаклизмов, стирающих цивилизации с лица Земли. Легенды об атлантах, описание всемирного потопа в Библии взялись не с пустого места – это отголоски реальных событий, происходивших время от времени. На полюсах планеты накапливаются ледяные шапки, которые не тают. Вес, объём этих ледяных шапок увеличивается с каждым годом, столетием, тысячелетием. И наступает такой момент, когда вес этих шапок преодолевает критическую черту, Земля приобретает форму гантели, её вращение нарушается. Она ррраз – и делает переворот. Полюса начинают вращаться в плоскости экватора, а экватор переходит на место полюсов! Всё это происходит в считанные минуты, вызывая невероятные разрушения, ураганы, потопа. Все страны, все местности, находившиеся близко к океанам, морям будут неминуемо смыты, там, где наблюдалась вулканическая активность в сравнительно недавнее время – такие, как Кавказские горы или Анды (с точки зрения геологии эти горы просто младенцы) – будут разломы, вулканы заработают снова, сжигая всё вокруг. Теперь можно представить, какие страны могли остаться жить, а какие уже в мире ином...

«Основная часть России должна выжить, – подумал Колян. – Она находится на Среднерусской платформе, гор тут нет, платформа мощная, как утверждают учёные, жизнь сохранится. Опасность представляет ураган, снёсший всё, что находилось на ровной поверхности земли, да засуха, которая неизбежно должна наступить в дальнейшем.»

Колян усмехнулся. Дождь лил не переставая, но он прекрасно понимал, что в конце концов он прекратится. Он решил, что дождь – тоже следствие этого всемирного потопа. Волны океана прошли почти через весь мир и лишь те территории, что находились в центре платформ, могли уцелеть, но вода, которая впиталась в почву испаряется, насыщает воздух. Потом концентрируется – и куда ей деваться? Ну, конечно залить Коляна мерзким тёплым дождём. Погодка-то как раз за версию переворота Земли.

С этими мыслями Колян двигался всё дальше и дальше в неизвестное будущее. Он уже перешёл в состояние «на щелчке», когда человек, сам даже не осознавая того, напряжён, предельно сконцентрирован и готов к любым неожиданностям. Что будет после такого катаклизма? Его предусмотреть и предупредить нельзя, нельзя даже спрятаться куда-то, будь ты колхозник или президент страны. Огромные массы воздуха и воды молниеносно сдвинутся с невероятной скоростью, вернее, сама Земля сдвинется. А воздух и вода по инерции останутся на месте. Уцелеют лишь те, кто как в лотерее, выиграют жизнь. Такие же случайные люди, как Колян...

Колян горько вздохнул – Ленка была в эти дни в Италии, где у них был дом. Он был почти уверен, что Италии больше нет. У него защипало в глазах. Столько пережили вместе, выжили... и вот опять. Говорили попы – кого Бог любит, того он испытывает.

«Нахрена такая любовь?! – богохульно возмутился Колян. – Сколько ещё испытаний можно терпеть?»

Колян тоскливо размышлял, сколько ещё продлится дождь, как выжить, куда ехать – скорее всего областного центра нет, а если и есть, черт знает что с ним. Выше по течению должна быть атомная станция – идиоты построили на громадной русской реке, в среднем течении, атомную станцию. Что стряслось с ней после катаклизма? Думается, ничего хорошего. Можно сразу считать, что её нет, а всё живое, что ниже по течению, превращается в пятиногих и многоруких мутантов. Весь Каспий. Значит, двигаться надо выше, гораздо выше, примерно в район Мордовии – там леса, пусть даже поломанные, но они восстановятся, реки, а значит – еда, вода. Там можно выжить. Люди приравниваются к опасности. У Коляна в телеге по нынешним временам лежат просто сокровища, только мертвый не постарается отнять его у копателя вместе с жизнью. Колян для себя решил вначале стрелять, а потом спрашивать: «Кто идёт?»

В то же время перспектива избавлять мир от тех, кто еще не успел умереть, Коляну не нравилась. В одиночку выжить трудно – не спать он не мог, а во сне человек уязвим. И оружия маловато. Буде у противника пулемёт – тут Коляну и конец.

Он подумал, свернул в голове карту – по крайней мере, ту, что была до катастрофы, – и решительно двинул тяжёлого монстра по полевой дороге влево от главной трассы. Конечно, существовала опасность утонуть где-то в грязи, ведь даже гусеничный трактор – не панацея от болота. Но вряд ли – почвы тут были песчаные. Вверху только чернозём, а внизу опока и песок – авось, не сядет. Всё-таки, это почти танк... Траки шлёпали по просёлку, вода мутными потоками стекала с вертикальных стёкол трактора. Вот и ещё одна разрушенная деревня – раньше тут был, видимо, фермерский дом. Рядом с ним лежала раздутая туша коровы – её, видимо, шарахнуло о стену дома, где она и осталась лежать. Стёкла выбиты, следов людей нет – может и выжили, но ушли куда-то.

Колян задумался – неужели и в той деревне, где он был, погибли все – неужели никто не спасся? Куда они делись, почему на месте утварь, продукты, вещи? Он не стал ломать голову над этим вопросом, махнув рукой: будет время – узнаю, пока что надо жить этим днём. Вот есть трактор, есть телега с вещами, нужен дом, пристанище, крепость. Да, крепость. Человек быстро опускается до уровня древних веков. Слезает налёт цивилизации, ценится только право сильного. Не все, да, не все опускаются до уровня инстинктов, но они умирают первыми. Это закон, закон джунглей. А Россия сейчас превратилась именно в джунгли...

Ночь застала Коляна уже далеко от того места, откуда он выехал. Он точно не знал, где он находится, приходилось объезжать раздувшиеся от воды речки, преодолевать овраги, заполненные водой. Он прикинул, что прошёл где-то километров сто по прямой. Сколько ещё он потратил на объезды – неизвестно. Эдак тащиться до нужного места придётся месяц, горючего не хватит. Надо всё-таки выходить на основные трассы – там есть горючее, но есть и опасность встретиться с мародёрами. Коляну не хотелось раньше времени проливать кровь.

«А ведь без этого никак не обойтись», – с грустью подумал он. И его охватила тоска: только жить начал, всё устаканилось, наступила спокойная, сытая жизнь, и на вот тебе – джунгли. Он философски хмыкнул и решил, что всё это надо забыть. Есть сегодняшней день, есть пока что все необходимое, чтобы не умереть, значит, будем жить.

Впереди показалась речка в окружении поломанных деревьев. Он остановил трактор и осмотрелся. Хотел зажечь костёр, но глянул на хляби и передумал. Влез на телегу, под прорезиненный тент, закрывавший содержимое от потоков воды, вскрыл пару банок с консервами и пообедал при свете фонарика. Несколько фонарей он нашёл в деревенском магазинчике и обрадовался им, как старым друзьям. На прилавках было практически всё, что может понадобиться селянину, от спичек до батареек – эдакий своеобразный универсам. Топоры, пилы, лопаты, продукты... Это давало надежду Коляну на будущее. Какое-то время, конечно, можно продержаться на мародёрстве, но потом надо будет строить жизнь, а для этого нужны и инструменты, и запасы продуктов.

Утром Колян дозаправил бак трактора, сливая горючее по шлангу из бочки, завёл двигатель и двинулся вперёд. Ехать ему пришлось вдоль речки, переправиться не было никакой возможности. Нужно было идти вниз по течению, в конце концов, она всё равно вольётся в большую реку, а там и до Волги недалеко. Только вот подходить к Волге у Коляна не было никакого желания – он не забывал про атомную электростанцию выше по течению, и получать ударную дозу облучения у него не было никакой охоты.

Первая деревня после выезда встретила его через три часа пути. Выжившие люди там остались. Крышу дома кое-как накрыли, из трубы шёл дым. Колян было попытался подъехать поближе, но внезапно раздался выстрел и дробь хлестнула по борту трактора, благо, что дверь была закрыта. Колян зло выругался и решил ничего не предпринимать – что с дураков взять. Впрочем – дураков ли? Мало ли мародёров бродят сейчас по районам, осторожность – прежде всего. Но происшествие заставило его удвоить осторожность. Эдак на пулю нарваться можно легко, а при нынешней сырости и грязи любая рана приведёт к гибели, точно как в джунглях, где любая царапина может привести к фатальным последствиям.

Еще через пару часов езды Колян заметил какое-то шевеление у речки, где оставались стены то ли коровника, то ли механизаторского строения. Даже ураган не смог снести эти стены, построенные ещё в советское время. «На века строили, бетона не жалели», – подумал он. Над помещением был сделано что-то вроде навеса из зелёного армейского брезента. «Армейцы, что ли», – подумал Колян и насторожился. Из-под навеса вышел зачуханный солдатёшка и замахал Коляну рукой. Колян повернул в сторону строения, подъехал метров на 5 от дома и остановился. Из строения выползли ещё четверо фигур в солдатской форме. Один был явно поздоровее и посытее других. Дембель – намётанным глазом определил Колян, – видимо рулит тут. Старший. И, похоже, держит всех в ежовых рукавицах – у солдата, подзывавшего его, под глазом был свежий фингал.

– Здорово, служивые!

– Здравовааа, – недружно протянули грязные фигуры. – Какие мы, мля, служивые, ты чо, дед, с дубу рухнул? Ща и службы нет никакой.

«Дембель» прокричал нарочито противным гнусавым голосом.

– Чо там у тебя, в телеге-то? Поделись с народом! Хули ты нахапал, один, что ли, жрать будешь!?

Колян так сразу и не понял, о каком деду идёт речь. Потом вздохнул – он уже далеко не мальчик, за сорок перевалило слегка, а для этих юнцов он в отцы годился, седина у него так с тридцати лет прёт. Небритый, с седой бородой – ну кто, как не дед? Дед! Себя-то со стороны не видно, да и не заморачивался Колян о таких вещах, как внешность. Впрочем надо бы и побриться, или уж оставить бороду-то... Он усмехнулся – в такой момент и о такой фигне думается.

– Надо будет – один сожру, тебе-то что? – Колян специально сгорбился и стал ещё больше похож на старого, худого, утлого деда. Со стороны казалось – всё, старикан попал, молодой, здоровый придурок сожрёт его с потрохами. Этого эффекта Колян и добивался. Надо выглядеть как можно безобиднее, а потом... потом посмотрим.

Колян знал таких уродов. Отечественная армия производила их с завидной регулярностью. Они вытворяли в армии что хотели, угнетали молодых, все низменные их черты просто утрировались в армейском быте. Офицерам это было на руку – зачем заниматься воспитанием солдат, проще набзудать одному дембелю, дать задание, и он мигом сгонит толпу молодых и всё выполнят. Что-то вроде самодержавия.

– Да ты с дубу рухнул старый! Молись, чтобы живым отпустил тебя, старый козёл... Если что ценное найду в телеге.

Сытый подошёл к Коляну и дал ему поджопника. Колян преувеличенно уныло захромал чуть в сторону и решил посмотреть, что будет дальше. «Дембель» залез на колесо телеги, заглянул туда, присвистнул:

– Неслабо награл, старый. Так и быть, отпущу тебя, если поцелуешь мне сапог.

Сытый заржал радостно, как жеребец, и, потягиваясь, пошёл к сгорбившемуся Коляну. Колян прижал руки к животу, изображая испуг, и аккуратно взял в правую руку рукоятку ножа. Сытый подошёл ближе, размахнулся для удара, но не успел. Рука Коляна с блеснувшим матовой рыбкой ножом мелькнула у его шеи. Сытый, видимо, ещё не понял, что он умер. Его рука схватилась за шею, в которой что то кольнуло, ожгло, рука поднялась к глазам, он попытался что то сказать, булькнул. Фонтан крови из перерезанного горла брызнул на полметра. Труп постоял ещё немного и упал в грязную лужу, дёргаясь и разбрасывая вокруг серо-красные брызги. Колян спокойно нагнулся, вытер лезвие о гимнастёрку сытого и повернулся к остальным солдатам:

– Ещё кто хочет что-то сказать? Кто хочет моих вещей? Кто имеет что-то против?

Он тяжело оглядел группку стоящих, под его взглядом исподлобья они сжались, явно это были не бойцы.

– Так. Протеста я не вижу. Тогда начнём разговор сначала: здорово, ребята. Как тут оказались? Чего тут делаете?

– Здасьте... – протянули пацаны.

– Вы это... Не сердитесь. Этот урод из старослужащих. Мы тут на коровнике были от нашей части. Видать у командира тут какие-то интересы были, нас как рабов тут пахать заставляли, – Коляну стал рассказывать один парнишка, славянской наружности, как подумал Колян, похожий на его друга детства Яшку – такой же веснушчатый и небольшой. У него же как раз и был фингал под глазом.

– Как началась эта бодяга с ветром, ураганом, мы укрылись там, где работали. А тут всё поносило, остались только мы с этим, – он кивнул головой на труп. – Он, сука, всех запугал, здоровый гад, лупил нас. Мы по домам шарились, продукты искали, он всё лучшее отбирал. Я начал права качать, тут и получил. – Он показал на фингал. – Поделом суке... А здорово вы его! Я уж думал всё, деду конец. Ой, простите, если что не так, про деда-то.

– Да мне всё равно, – усмехнулся Колян. – Зовите меня Николаем. Можете Николаем третьим... Второго-то сместили, а я сместить себя не дам. Ладно – какие планы, пацаны? Есть вообще какие-нибудь планы? Или вы тут вечно будете в коровнике сидеть?

– Да вот Филя – ну этот вот тот, покойный – собирался, как вещей натаскаем, пойти в город, команду крутую собрать и всех подмять по себя. Ну типа такой бандой сделаться и данью всех обложить. Он об этом постоянно говорил, мол – власти нету, надо свою ставить. А нам всё равно, лишь бы пожрать, да там видно будет.

– А что ж вы так запустили себя-то, а ещё солдаты! – сказал Колян. – Как чушканы все... Умыться, что, влом что ли?

Тут Колян немного кривил душой. Сам-то он тоже и забыл про умывание, но надо же было сразу поставить всё на свои места – он старший, они подчинённые.

– Так, пацаны, команда такая: ты – как тебя звать? – он показал на парня с фингалом – Дмитрий... Ты, Дима, полезай на телегу. Там в углу, где бочки, стоят коробки – мыло, стиральный порошок, а рядом – тазики, корыта. Доставай. Вы, гоп-компания, быстро хворост тащите, костёр ладить... Да, Дима, прихвати-ка там котёл и треногу, там большой казан новый на несколько вёдер был, я, как знал, прихватил. Продукты я сам достану, ты не найдёшь, там закопаны в ящиках.

Пацаны облегчённо вздохнули, забегали – появился вожак, существование стало осмысленным. И вроде, не злой «дед»-то, если, конечно, не смотреть на труп.

Глава 6, в которой Колян становится Николаем и обретает свой народ

Закон #654

Каждый мужчина имеет право иметь столько жен, сколько хочет, с одним условием: он должен полностью обеспечивать все семьи и не допускать конфликтов на бытовой почве, которые могут привести к убийству или членовредительству.

Пацаны бегали шустро, хвост ломался, котёл водружался на треногу, крупа мылась в тазике, а тушёнка открывалась консервным ножом, а не разрубалась булатом в лихом кавалерийском наскоке. Колян усмехнулся при мысли об этом.

– Пацаны! – крикнул он. – Как пожуём – помывка и стирка. Не хватало завшиветь и коростой покрыться. Всем менять барахло на гражданское – там всем хватит на первое время. Поняли?

– Ага! – Нестройно, но радостно завопили они.

Тут Колян вдруг заметил ещё шевеление в коровнике. Он резко повернулся, взглянул и с удивлением протянул:

– Это ещё что за чучела, Диман?

– Николай, я забыл вам сказать – тут ещё две девчонки прибились. Городские, видать, в гости приезжали к родне, а тут ураган. Они в подполе были, за чем-то полезли, пока вылезли – а дома-то и нет. Их Филя тут пользовал, говорит – гарем это мой, – Дима потупился. Было видно что девчонки ему симпатичны, по крайней мере, одна из них. – Они только с ним жили, время от времени он их поколачивал. Все говорил – типа для острастки, бабы, мол, силу любят...

– Дааа... Я гляжу ваш Филя тут неплохо устроился, сучонок. Кстати, Дима. Вот что ещё – пацаны там дров уже натаскали. Пусть берут лопаты из телеги и оттащат жмура в поле, ямку выкопают и присыпят его. Мне так-то плевать на него, но антисанитария кругом, полежит – вонять начнёт, нам только этого не хватало. Нанюхался я за эти дни.

– Да, трупов много было, мы их в речку поскидывали, Филя велел.

– Дебил ваш Филя был, как я погляжу! Только членом трясти умел, больше ничего! Воду потом откуда брать?! Суки глупые! – Колян зло сплюнул и пошёл к двум жалким фигуркам, торчащим у входа в коровник.

– Здорово, девчонки! Чего чумазые-то такие?

– А вы кто, дяденька? – Брюнеточка с короткой мальчишеской стрижкой опасно поглядела на него. – А Филипп где?

– Филипп? Здоровый, рыхлый такой, да? Труп ваш Филя. Грохнул я его. Переживаете за Филю?

Блондинка с длинными, сальными волосами презрительно сплюнула:

– Щас прям, ага. Переживаем. Задолбал сука своими приколами. То ему не так, это не эдак. А от самого воняет как от помойки, хоть бы член мыл, скотина.

Брюнетка вздрогнула и предупреждающе посмотрела на блондинку:

– Ну а что я такого сказала? – вызывающе продолжила блондинка. – Не так, что ли? Что стесняться-то... Отстеснялись уже. Теперь будем по рукам ходить, как... – Блондинка всхлипнула и продолжила говорить навзрыд. – Вот новый хозяин теперь будет.

Она заплакала ещё горше и брюнетка, не выдержав, присоединилась к ней.

– Вы нас бить не будете, дядечка, а?

Колян даже немного опешил, тем более, что женские слёзы всегда приводят мужика если не в смущение, то в смятение чувств точно. Не любят мужики женских слёз – это все-

гда было страшнейшим оружием женского пола против мужчин. Впрочем, против нормальных мужчин. Филлю к мужчинам можно было отнести только благодаря наличию грязного похотливого отростка, а Колян нормальным мужчиной в общем-то никогда не был. Нормальный мужчина читает Блока, говорит о политике, ругает правительство и обсуждает последние новости города – кто стал мэром и почему он не голова. Колян же был просто зверем. Простым, незащипанным мужланом с рефлексамми зверя, умом человека, со своими понятиями о порядочности и чести. Он просто выживал, как выживал в детстве, на грязных улицах Города, выживал на войне, где каждый шаг по зелёнке мог стоить жизни, выживал после войны, где было ещё труднее и когда нельзя было сразу понять, кто друг и кто враг. Вот и теперь, мировая катастрофа быстро сорвала с него налет цивилизации, респектабельности, всего того, что толстым слоем наложила на него спокойная, сытая и добротная жизнь.

В теле сорокалетнего, сильного, жилистого мужика снова жил Зверь Колян, который мог легко перегрызть глотку любому, кто бы встал у него на пути к цели. Какой цели? Об этом Колян ещё не задумывался, он просто решал технические проблемы по мере их поступления. Ему нужна команда, чтобы выжить. Он – безусловный лидер, жёсткий, требовательный, но справедливый. Карающий, но и дающий благо. Чем это отличалось от боевой армейской службы? Только тем, что за ним никто не стоял. Не было высшего начальства, этих подонков и предателей в погонах, которые могли катать миссию ОБСЕ на вертолётe в то время, как внизу погибали его напарники в неравной схватке с «духами», когда там нужен был вертолёт, когда люди умирали на руках, и он никак не мог облегчить их страдания. В общем-то, он и ушёл с военной службы, потому что скотство в армии уже просто сидело у него в печенках. В тот момент, когда он понял, что ему хочется стрелять не в зелёнку, а назад, по шатрам командования.

Колян никогда не выглядел страшным, могучим, не отличался суперсилой. Но внутри у него была стальной стержень, который сгибался, но не ломался, и, в конце концов, распрямлялся с такой силой, что все, кто попадал под удар, рассыпались в прах. Ему, конечно, было жаль девчонок, но не более того. Они попали не в то место, не в то время, но остались живы – и этому должны были радоваться. Он мог бы им много рассказать об том, чего стоит жизнь и почему они должны ценить такой подарок судьбы, но не стал. И не поймут, да и время терять не хочется. Может, сами поймут когда-нибудь. Он хмуро-спокойно посмотрел на хнычущих девчонок в грязной, засаленной одежде, на руки с цыпками и грязную «траурную» кайму у них под ногтями и с брезгливым неодобрением сказал:

– Вот что, красотки. Сейчас идёте к телеге, залезаете на неё и в левом углу нашариваете тазики, мочалки, мыло, порошок и вперёд, наводите порядок в теле и душе. Таких грязных лахудр я близко не подпущу к нашему приличному обществу, – он хмыкнул про себя. Приличным обществом тут и не пахло, вокруг носились грязные солдатёшки, да лохматый седой то ли лесовик, то ли колхозник. – Ну-ка быстро – геть на телегу!

Он шуточно прикрикнул на них и они испуганно порскнули в направлении трактора. Колян присел на пенёк, стряхнув с него какие-то крошки ладонью, и дал отдых уставшим ногам, вытянув их вперёд...

«В положении лидера есть свои преимущества – они бегают, а я сижу, думаю думаю, – Колян хихикнул про себя и осмотрел лагерь. – Какого я трактор-то не заглушил? Тарахтит бестолку. Всё равно до завтра никуда не двинуться. Пока еще я всю компанию в порядок приведу...»

Он поднялся, подошёл к бульдозеру и заглушил дизель. Тот рыкнул напоследок, кинул в небо сизый клуб и затих. Колян направился к телеге и стал сливать остаток соляры из бочки в бак трактора. Слив почти до конца (не надорваться же, выливая последние литры в дырочку бака), он сбросил бочку вниз, потом залез в телегу и нашёл топор-колун и тяжеленную пудовую

кувалду, прихваченную с мехдвора в деревне. Позвал двух парней, вернувшихся с поля, где они закапывали труп:

– Так, архаровцы, смотрите сюда: ставим бочку на попа. Ставьте так – ты бери колун, ставь сюда к краю. Другой берёт кувалду и ррраз! – херачит по колуну так, чтобы он прорубал железо, и так по кругу, пока дно не вывалится. Поняли? Раз поняли – вперёд.

В течение часа был слышен адский грохот. Пацаны менялись и работали по очереди. Больше чем на 5-6 ударов их не хватало – кувалда была ещё та.

«С такой кувалдой пролетариат точно освободился бы из цепей, – засмеялся про себя Колян. – Пусть тренируются, жратву свою отрабатывают...»

Наконец, борьба с бочкой закончилась, и парни торжественно продемонстрировали жожаку доньшко от бочки.

– Теперь так – оставшуюся соляру аккуратно слейте в маленькие ёмкости – бутылки и контейнеры, и перелейте в бак трактора, или, если не влезет, в другие бочки. А бочку засуньте в костёр, пока не обгорит. Ничего с ней делать нельзя, соляра такая едучая, хрен её отмоешь.

Соляру перелили, бочка обгорала на костре, Колян придумал им новое задание:

– Начинаем вычищать ваши авгиевы конюшни. Ночевать-то где-то надо, а у вас там насекомые небось бегают, а то и еще что похуже... А я проверю потом как убрали. Грязь найду – Филя вам доброй феей покажется.

Толпа побежала в коровник, оттуда полетели какие-то тряпки, мусор, огрызки.

«Надо же, как быстро люди в скотов превращаются, – в очередной раз удивился Колян. – Ну вот раньше, до Судного Дня, заставь их в такой грязи валяться – они бы на меня как на идиота посмотрели бы. А сейчас вроде бы, так и надо. Нееет, неандертальцы нам не нужны. Тем более, что их гомо сапиенс сожрал, как выяснили учёные. Они были кривоногие, маленькие, грязенькие и... добрые. Не умели, понимаешь, воевать. А ещё были, видимо, очень вкусные. И Гомо Сапиенс, злой, такой же грязный, но воинственный их сожрал. Я – Гомо Сапиенс Рекс, новое производное от человека разумного, человек разумный злой».

С этими мыслями Колян отправил двух парней и девок-замарашек на берег реки чистить песком до блеска и мыть моющими средствами обожжённую бочку. Наконец и эта задача была выполнена – бочка стояла на постаменте из кирпичей, обложенная весело потрескивающими и стреляющими искрами сырыми дровами, наполненная водой из реки. На другом костре, разведённом рядом, булькал в котле шулюм из нескольких банок тушёнки, картошки, рисовой каши, плавали в нём и лавровые листки. Восхитительный запах... Колянов народ заморожено смотрел на это пиршество.

– Давно, небось, горячего-то не ели, а? – Колян покосился на молодняк. – Не вижу что-то я у вас посуды, в которой еду готовили.

– Да чо готовить? Сухомятину жрали, что найдём, – ответил Диман. – И что Филя не сожрал. Он даже девкам жадился кусок лишний дать, должны были отрабатывать.

Парень покосился на девчонок, которые вздрогнули, видимо, от воспоминаний и нервно повели плечами.

– Ну что, пока, как говорится, жарится хряк, давайте обсудим, как жить-поживать дальше будем, – Колян задумчиво потёр левую руку правой, по старому ножевому шраму, почти пересёкшему тяжёлую синюю вену, одну из тех, которые синими раздутыми ручьями обвивали его мосластые жёсткие руки. – Я уже пару дней двигаюсь из губернии вверх по Волге. Выше атомной станции, так как уверен, что ниже ее всё заражено радиацией и непригодно для жизни. Там, в мордовских лесах, буду основывать поселение. Для этого мне понадобятся надёжные люди. Сразу говорю – кто пойдёт со мной выполняет то, что я скажу. Если я скажу подпрыгнуть – не спрашивает, зачем подпрыгнуть, почему подпрыгнуть, а задается вопросом, на какую высоту прыгать и сколько раз. Всем ясно?

– Ясно... – протянули и парни и девчонки.

– Ещё раз. Моё слово – закон. Никакой демократии. Кому не нравится – остаётся тут и выживает, как может, никаких претензий. Кто идёт – идёт моим путём. Ослушается – расправлюсь быстро, эффективно и страшно. Залог успеха – точное и в срок выполненное задание. Один сдаст позиции, сдрейфит – погибнут все. Считайте, что мы на войне, только тут ещё хуже. На войне в тыл можно уйти, а тут тыла нет. Все всё поняли? Не слышу? Чётче отвечайте!

– Поооняли.

«Стройбат хренов, – подумал Колян. – Учить вас надо, а то и сами сдохнете и меня подставите. Мычат как телята. Телята и есть. Диман вроде пошустрее, надо из него взводного сделать. Только назвать как-нибудь не по армейски. Как там у казаков называлось – есаул? Вот и будет есаулом. А поселение поставим – станция назовём. Чего велосипед выдумывать, когда мои предки давно всё придумали».

Колян происходил из старого казацкого рода, который революция и война разбросали по разным уголкам страны, от Дона до Сахалина. Дед его, бывший военный, умер на Сахалине, где остался после отсидки на зоне – горячий был, после войны дембельнулся сдури, было всё – паёк, достаток. А тут чтобы выжить, нужно было пахать – и это тому человеку, который кроме войны ничего не знал. Он спился, в пьяной драке разбил голову человеку и оказался на Сахалине.

– В общем так, пацаны. Считайте, что у нас войско казачье. Я – атаман, Димана назначаю хорунжим. Вы – рядовые казаки. Все приказы мои выполнять беспрекословно. Потом я разработаю свод законов, будем их придерживаться неукоснительно. Отменить действие закона могу только я. И никто иной. Девок не обижать. Захотят с кем спать – спят. Не захотят – такие же равноправные казаки, то есть казачки. Пожалуются мне – устроим суд, повешу виновника на телеге. Всем ясно?

– Да, – девчонки переглянулись и заметно повеселели. Колян подмигнул им – *«Что, налаживается жизнь, девки?»*. Они молча ответили взглядом – там, мол, посмотрим...

«А их уже хорошенько прокатило через эсернова, – понял он. – Не хочется верить ни во что хорошее, чтобы потом не разочароваться. Я сам такой, головёшка, обугленная войной. Это тут я на месте, как и не уходил с войны, а они – розовые пупконы, брошены в грязь, втоптаны. Психика явно нарушена. Присматривать за ними надо».

– Так, ну раз всем всё понятно – разбираем чашки, ложки. Девки на раздачу, все ужинаем, потом будем мыться и отбой, отдыхать до завтра.

Они все нашлёпали себе в миски наваристого густого варева, ребята взахлёб стали есть обжигающее кушанье.

«Небось в мирное время и жрать бы не стали, – усмехнулся Колян – Впрочем, пацаны-то армейские, не больно-то разносолами балованы». Ему вспомнились кадры хроники недавних времён, когда показывали солдата, чуть не умирающего от дистрофии. У Коляна эта картинка ассоциировалась со словами услышанной где-то песни: *«Я видел генералов, Они пьют и едят нашу смерть, Их дети сходят с ума от того, Что им нечего больше хотеть. А земля лежит в ржавчине, Церкви смешались с золой. И если мы хотим, чтобы было куда вернуться, Время вернуться домой».*

Вот и пришло новое время. Нет генералов. Есть люди. Есть новая, очищенная от людей и власти земля. Как будто Земля встряхнулась, глядя на беззаконие, творящееся на ней, да и стряхнула с себя род людской. Лишь часть людей осталась, им и возродить этот мир. Вернуться домой.

Новый народ поел, помыл миски за собой. Колян нашёл в безразмерной телеге два куса брезента.

– Вбивайте колья, оборачивайте брезентом, – скомандовал он. – Одна баня для женщин, другая для мужчин. Пока не будем нарушать традиции. Хотя какая теперь всем разница? В старину на Руси бани все общие были. В общем, моемся.

Колян не заморачивался насчёт разделения по полу, просто взял тазик, налил в него горячей воды, разделся посреди разложенного куска брезента и с наслаждением стал мыться под тёплым морозящим дождём. Взял бритву, подровнял отросшую бороду, воспользовавшись зеркалом заднего вида трактора.

«Вполне благообразная личина получилась», – с неожиданным удовольствием констатировал он. Парни и девки тайком и перешёптываясь смотрели на его сухое, жилистое, как из витого стального троса выкованное тело, помеченное следами пуль и осколков. Колян не замечал этого, мысли его витали далеко от коровника. Забот ему прибавилось. Надо думать, как пройти путь в 600 километров без потерь и по возможности, без крови. В последнем он сильно сомневался. Его очень беспокоило отсутствие оружия, серьёзного оружия. Имевшиеся у него «пукалки» были хороши, чтобы отпугнуть свихнувшегося фермера, но против серьёзной атаки не стоили и гроша. Надо пулемёты, надо снайперку. Надо автоматы, гранаты – какие казаки без оружия.

Да и о транспорте стоит подумать. Скоро все эти мототележки кончатся, да и дороги никто восстанавливать не будет. Кони – вот единственный способ иметь преимущество в войне, передвигаться быстро. Казак без лошади не казак. Колян подумал, что надо бы пошариться по деревням – кони могли и выжить. Вряд ли все деревни подверглись полному разрушению.

Надо добывать оружие. Где? Арсеналы были в отделениях милиции, войсковых частях. Но поход туда был сопряжен с большой опасностью.

«Ну а ты как хотел – чтобы оружие само в руки упало?» – ругнулся он про себя и вздохнул. – *«Ладно. Утро вечера мудренее. Надо укладываться спать»*.

Он подал команду на отбой. Парни и девки потянулись в старое стойло, где уложили на землю куски брезента, матрасы из коляновой телеги и одеяла. Колян на всякий случай опять решил ночевать в телеге – мало ли чего, лучше настороже быть. Там у него было уже приготовлено что-то вроде гнезда из матрасов и одеял. Он положил под левую руку сайгу, под правую вынутый из ножен нож и заснул под стук капли по тенту над ним.

Ночью его разбудил шорох. Кто-то перелез через борт телеги, не удержался на ногах и с шумом брякнулся прямо на спящего Коляна. Тот моментально встрепенулся, сбил влезавшего с ног подсечкой и приставил нож к его горлу. Включив левой рукой фонарик он увидел, что это была чёрненькая девчонка, вроде как по имени Юля. Она с ужасом смотрела на него, ощущая холод лезвия у сонной артерии.

– Ну ты и дура! Ещё бы полсекунды, я бы тебя кончил! Ну кто так делает, разве можно без предупреждения? Другой бы уже тебя зарезал, твое счастье, что у меня реакция хорошая, узнать успел! Чего пришла-то?

– Я с тобой хочу, атаман. Атаманшей хочу быть.

– Спятила совсем – я тебя первый раз вижу, а ты ко мне лезешь! Может ты меня грохнуть хотела! Скажи спасибо, что не прирезал тебя как овцу.

– Ну, можно я с тобой останусь, – прохныкала девчонка.

Колян подумал.

– Да хрен с тобой – оставайся. Только не мельтешишь и давай спать вообще. Сейчас не до игрищ.

Колян кривил душой. Бабу-то он хотел, но после всяких там Филей нырять в бабу было противно, ещё сразу какую подхватишь. Пусть отлежится пока, там видно будет. С этими мыслями он и уснул, обняв левой рукой посапывающее тёплое тело Юли. От неё пахло земляничным мылом, чистым женским телом и он даже подумал, а не напрасно ли себя в монахи записал. И тут сон навалился на него с новой силой и Колян забылся сном праведника.

Глава 7, в котором Колян теряет бдительность и подставляется под пули

Закон# 180

Часовой, уснувший на боевом посту, карается смертью.

Трактор уже привычно тархтел, подбрасывая клубы сизого дыма. Колян расслабился, оставив рычаги – машина шла по прямой, поворотов не предвиделось. Рядом откинулся на засаленном сидении Диман, бледный, придерживающий перевязанную левую руку правой. На рытвинах и кучах мусора парнишка вздрагивал всем телом от боли.

«Как я мог ошибиться, – виновато подумал Колян. – Отвык уже находиться во фронтовой полосе, расслабился... Вот и результат – Диман практически выведен из игры на неопределённое время. Хорошо ещё, что фельдшерский пункт в деревушке грабаницы, теперь есть чем перевязать рану и продезинфицировать. Одной палёной водкой не спасешься. Перекись да стрептоцид – это уже кое-что. На ночь теперь обязательно надо посты выставлять, да проверять. Так и башки лишишься, не заметишь – чем ближе к большим городам, тем больше шансов встретить банды мародёров. Мы не одни такие мудрые, и в городах должно было больше народа выжить, чисто статистически. Там и дома покрепче, и подвалов больше».

Они двигались уже три дня по маршруту, намеченному Коляном. Старательно обошли город с атомной электростанцией, превратившей нижнее течение огромной реки в радиоактивную пустыню. Впрочем, пока не пустыню – живность и люди там были. Но какие? При такой интенсивности излучения они должны были светиться ночью. Вопреки досужим рассказам бабулек и дедулек, незнакомых с атомными станциями, станции не взрываются как бомбы. Они разлетаются, можно сказать, медленно, разбрасывая по округе куски своей радиоактивной начинки, заражая всё, что можно. Примером может служить Чернобыльская АЭС. Только тут результат был гораздо страшнее. Заражены огромная река, моря. Не скоро, ой как нескоро земля и вода восстановятся, а последствия коллапса будут ощущаться веками. Много лет после войны в Японии рождались невероятные уроды, безрукие и безногие – результат мутации после Хиросимы. Колян мутировать не хотел, а также не хотел бы, чтобы его потомство или потомство его соратников ползало по полу на руках при отсутствии ног. Видел он такую страшную картинку в фильме о хикакуса – жертвах атомных бомбардировок.

Ранение Димана, впрочем, было результатом неосторожности и халатности. Колян сразу же позаботился о выставлении постов на ночь – чем ближе они подходили к крупным населённым пунктам, тем больше была вероятность нападения банд мародёров. Его же команда был плохо обученная, безответственная, в общем – в итоге ребята заснули на посту. До сих пор этим людям было невдомёк, что есть такие правила, от которых зависит их жизнь. Видимо, это были остатки беспечности, или они думали, что все плохое случается только с героями телевизионных передаче, а с ними ничего случиться не может. Если бы не острый слух Коляна, да не его звериное чутьё, всё могло бы быть гораздо печальнее.

В прошлую ночь Колян, уснувший после скорой возни с Юлькой, которая всё-таки его соблазнила, услышал вроде как сдавленный крик и стон. Он раскрыл глаза – сна как не бывало, взял в правую руку нож, в левую перехватил сайгу и легко скользнул через борт телеги. Эту ночь они стояли у какой-то деревни, где с краю были врыты в землю длинные бункеры овощехранилищ, построенные ещё в советское время, которые могли выдержать не только ураган, но и почти прямое попадание ядерной бомбы. Вся компания кроме него и Юльки ночевала там, внутри, на брезентах. Там было сухо, если не обращать внимание на затхлый запах гниющих овощей, и довольно комфортно.

У Коляна этот запах вызывал ностальгические чувства. Когда он учился в технаре, их посылали работать на овощебазу. Студенты ехали весело, с криками, песнями, щупали визжащих девок и гоношили на троих портвейн «Ахтамар». Потом он подрабатывал на овощебазе грузчиком.

Колян двинулся немного в бок, обходя дверь в овощехранилище стороной. Под ногами было сыро и скользко, грязь воспринималась уже как обыденное явление, вроде и не было никогда сухой земли и ясного голубого неба. В темноте послышались тихие голоса, он прислушался – несколько мужиков говорили о том, что надо аккуратно зайти в хранилище и перебить всех топорами, чтобы не поднимать шума. Из услышанного Колян сделал вывод, что, во-первых, постовой уснул или его убили/выключили. *«Лучше для него если бы убили – прибью суку»*, – подумал Колян. А во-вторых – что у них есть какие-то огнестрелы, но они не знают, сколько всего людей скрывается в помещении, и опасаются их – а, значит, не так уж и вооружены. Колхозники скорее всего, махновцы.

«Это уже неплохо, – подумал Колян. – Спецы нас давно бы уже повыврезали, а тут есть шанс. Я сразу могу уложить втихую двоих, потом уйду в темноту, они начнут палить и метаться, я с сайги шмалять начну, а если пацаны в хранилище помогут – тут мародёрам и конец. А не помогут – всё равно конец. Только сразу валить отсюда надо будет – как бы родня какая не собралась потом мстить или чего ещё. Как они нас засекли? Трактор тарыхтит, болтаем громко, чего не заметить то...»

У Коляна мелькнула мысль о том, какого чёрта мародёрам надо? Людей стало гораздо меньше, продуктов и товаров в разбитых магазинах – полно, чего с риском для своей жизни нападать-то на спящих? Но он решил додумать эту мысль потом, когда жив останется. Если останется.

Судя по голосам их было человек пять-шесть. Колян присмотрелся. Тусклое красное зарево на горизонте – горит атомная станция. До неё километров сто – зарево высвечивало тёмные силуэты. Он медленно, осторожно, чтобы не скрипнуло и не щёлкнуло ничего под ногами, приблизился к мародёрам. Шаг. Ещё приставной шаг. Шаг.

Двумя секущими движениями он резанул по фигурам на уровне глотки, потом, на выходе из кувырка вперёд, пропахал третью фигуру на уровне бедра, получив в лицо горячую струю жидкости с запахом железа – видимо он рассёк бедренную артерию. При таком ранении человек в считанные секунды превращается в обезвоженный, как вампиром высосанный труп, поток крови такой мощный, что спасение зависит от первых секунд – дальше будет поздно. Можно считать, что трёх человек уже нет. Вполне удачно, если не считать кровоподтёка на щеке Коляна от камня – один из мародёров успел выпалить, видимо из дробовика и, по несчастной случайности, заряд картечи, прошедший мимо Коляна, врезался в землю, подняв в воздух какой-то обломок кирпича и едва не высадив ему глаз. Случайность, всё случайность... В жизни многое зависит от случайности.

Колян сделал спринтерский рывок и вернулся по дуге к тому месту, где положил заряженную и снятую с предохранителя сайгу. Сайга – фактически автомат Калашникова, только без стрельбы очередями, и Колян прекрасно разобрался в этом оружии. Он привычно вскинул к плечу винтовку и остроносые пули калибра 7.62 полетели в захватчиков. Колян не испытывал зла или благородной ненависти к супостатам. В будущем и ему наверняка придётся заняться мародёрством и повоевать, отнимая у кого-то то, что ему нужнее – цивилизация кончилась, наступило время Зверя. Просто мародёры хотели взять то, что ему принадлежит, а он не хотел это отдавать, поэтому он видел единственно верное решение проблемы – убийство всех нападавших.

Бах! Бах!... Колян считал патроны. 8 в магазине, один в стволе. Бах! – двое упали, один прихрамывая побежал в темноту – перехватить! Приведёт подмогу – не успеем уйти. Колян

рванул за ним, бросив опустевший карабин, но не успел – из дверей склада выскочила тёмная фигура и кинулась на убегавшего.

«Болван! – яростно подумал Колян. – *Ща он положит его – не так надо было!*» Фигуры вцепились друг в друга в ожесточенной борьбе, Колян подскочил сзади к мародёру и, схватив его за довольно длинные волосы, полоснул ножом по горлу. Тот захрипел и стал заваливаться назад, увлекая за собой человека, в которого он вцепился намертво. Колян узнал Димана. Тот ворочался на трупе, пытаясь разжать руки мертвеца.

– Живой что ли, Диман?

– Живой... Черт, порезал он меня.

– А ты болван, что ли, в лоб на него бросаться? Сзади надо было глушить палкой или кирпичом! Какого хрена тупишь-то? Где я потом хорунжего нормального найду, – усмехнулся Колян. – Сильно, что ли, порезал?

– Да плечо зацепил, руку. Да ничего. Выживу.

Диман храбрился, но по всему было видно, что ему совсем несладко, да и кровь капала тоже довольно бойко, скатываясь с его пальцев на землю в свете включённого фонарика. Из дверей выползли остальные члены их группы. Лучи фонарей осветили трупы. У двоих было огнестрельное оружие – у одного даже старый древний «кулак», обрез трёхлинейки, видимо, сохранился ещё с времён комбедов. У другого – охотничья двустволка ИЖ 12 калибра с вертикальными стволами и полупистолетной ложей. Видимо, охотника какого-то ограбили. Если бы Колян неудачно напал на них – быть бы ему нашпигованным 12-м калибром по самое не хочу. Спасло его то, что заряд картечи на выходе из ствола летит очень кучно, пульей, и лишь потом рассыпается в облако смертоносных свинцовых пчёл. В общем – не зацепило и ладно.

Нашли они и своего сторожевого – Ваську. Тот приспал под кустом, накрывшись плащом и брезентом. Мародеры подкрались и треснули его по башке дубинкой. Васька был жив. Очнувшись, он тряс головой и все еще не мог понять, что произошло. Ружьё, которое ему дал Колян для службы, отсутствовало – его потом нашли по пути бегства последнего мародёра. В общем, все следы халатности присутствовали.

Колян брезгливо посмотрел на парня:

– Завтра при свете разберёмся. Девки, перевязали уже Димана? Нормально? Рану промыли перекисью? Точно? А то она быстро загниёт в этой грёбаной сырости... Смотрите, загубите парня. Ладно, всем спать, при свете поговорим. Петька берёт ружьё и в дозор. Смотри – не дай Бог тебе уснуть. Трупы обшарить и забрать боеприпасы и всё более-менее ценное – ножи, вещи. Что морщитесь!? Бегом выполнять, красные девицы! Это вам не пионерлагерь – прикажу и спать в обнимку с этими трупешниками будете, если надо будет!

Колян собрал оставшееся оружие, проверил, зарядил стволы и потащил их к телеге. Забрался внутрь и заставил себя успокоиться перед погружением в сон. Сердце до сих пор колотилось, расталкивая по организму разогретую адреналином кровь. Мало-помалу он стал успокаиваться, бессознательно пользуясь вдолбленной ему когда-то инструктором методикой успокоения психики. Для бойцов спецслужб умение быстро переходить из состояния покоя в состояние боя и наоборот бывает жизненно необходимым – так быстрее восстанавливается организм после экстремальных физических нагрузок.

Рассвет наступил скоро. Коляновы люди собрали трупы, лежащие на месте своей смерти, и оттащили их в яму водопроводного колодца. Колян собрал ребят:

– Василий, ну-ка поясни. Как они смогли подойти к тебе вплотную, чтобы ты ничего не заметил, не услышал, не подал сигнала?

– Ну уснул я... Чего там врать. Кто знал, что они тут лезят. Ни души не видно вокруг, а они тут бродят. Виноват, исправлюсь.

– Я предупреждал тебя, что на посту нельзя спать, что надо быть внимательнее, что от тебя может зависеть наша жизнь?

– Ну, предупреждал.

– Иди сюда, Василий, – Колян поднялся с места и встал перед группкой соратников.

Вася вышел из общего строя и нехотя подошёл к нему, остановившись в шаге.

– Значит говоришь – исправишься? – тихо спросил Колян.

– Ну, исправлюсь, – опять скучно повторил Вася.

Колян вдруг неожиданно и резко ударил Василия в живот ногой, тот с хаканьем согнулся. Копатель схватил его за волосы и резко ударил головой о колено так, что брызнула кровь из сломанного носа. Тот завалился на землю, Колян в ярости стал пинать его ногами с криками:

– Пидор! Гнида! Он исправится, сука! Он, долбозвон, исправится! Из-за тебя, сучонка, чуть всех не вырезали! Если бы я не услышал, не они, а вы все бы сейчас в люке кучей говна бы лежали, сука!

Колян сдёрнул из-за спину сайгу, дёрнул затвор. Все ахнули. Диман крикнул:

– Атаман, может не надо?! Атаман, остановись!

Колян повёл стволом, направил его на возящегося и скулящего придурка, подумал, и чуть отвёл ствол. БАХ! Выстрел прозвучал громко. Пуля ударила в сантиметре от головы Василия, обдав его рыжую шевелюру брызгами грязи и крошками кирпича. Колян обвёл глазами при- тихших в ужасе ребят:

– Следующего, кто уснёт на посту – убью. Теперь собираем барахло, забрасываем этого дебила в телегу и валим отсюда, пока товарищи этих – он кивнул головой на люк – не пришли проверить, почему они давно не возвращаются. Может, конечно, и нет никаких товарищей, но я не намерен ждать и проверять эту версию. Оружие у нас ещё дохловатое, поэтому рисковать не будем. Всё ясно?

– Ясно!

Поход продолжился. Колян ехал на тракторе и думал:

«Оружие. Оружие! Вот что нужно. Надо проверить арсеналы – военные части, ментовки, оружейные магазины. Хотя, вояки, конечно – идеальный вариант, но идти на маленькую армию с нашим оружием чистой воды самоубийство. Уверен, что не один я такой умный и кто-нибудь уже добрался и до арсеналов. Одна надежда на ещё не захваченные хранилища или отъем их у населения. Не все же спецы, а дилетантов можно обыграть. Впереди город В. – там отделения милиции есть, а если они даже завалены обломками – используем бульдозер. Главное – уйти оттуда с грузом, но с оружием это сделать проще. Сначала нужно все разведать и только потом гнать в город трактор. Лишние рисовки ни к чему. До города ещё километров 200. Горючку надо ещё подкачать, уже ополовинили. Жрёт тракторишка в три горла. Заправки по трассе, но хрен его знает, как оттуда достать соляру – чем выкачивать? Впрочем – у них обязательно есть люки для технических работ, можно ведрами набирать, а потом перелить в бочки».

Колян свернул под тридцать градусов в сторону, где должна проходить трасса. Риск, конечно, но придётся на неё выходить – без горючего они точно никуда не доедут.

Глава 8, в которой Колян оказывается в каменных джунглях

Закон# 321

Для того, чтобы минимизировать потери людей, необходимо в первую очередь предложить противнику переговоры. Если переговоры окончились неудачно или противник не идет на переговоры, следует начать ответные боевые действия.

Четыре дня казаки двигались в сторону лесов без приключений. По дороге им встретилось две заправки, чему не все были рады – черпать солярку вёдрами, задыхаясь от солярной вони – занятие не из приятных. Колян с удовольствием отметил, что в роли атамана есть свои преимущества – черпал и заливал, конечно, не он. За пять километров до развалин районного города Колян загнал трактор с телегой в овраг, со своими помощниками отцепил телегу и оставил девушек и одного охранника обустраивать лагерь. Сам же с двумя соратниками, одним из которых был опухший от побоев, но уже отошедший Васька, отправился на бульдозере в город.

Картина развалин была, конечно, удручающей. Зданий, в общем-то, не осталось, куда ни глянь лежали кучи щебня, бетона, изогнутых металлоконструкций. Главной задачей разведгруппы Коляна был поиск местного отделения милиции, где мог находиться арсенал с оружием.

Как найти отделение? Где стояло уvd? Колян этого не знал. Только местный мог помочь им в поисках. Колян заглушил трактор и оставил охранять их единственный транспорт Василия, строго приказав не спускать с него глаз под страхом смерти, а сам с Диманом двинулся на поиск аборигенов. Искать их он решил по запаху. А как ещё их найти – огонь-то они должны жечь, готовить еду, сушить одежду? А, значит, есть дым, а дым чутется за сотни метров.

Они шли тихо, прижимаясь к остаткам домов. В шелесте дождя и ветра глухо звучали шаги по скрипящим осколкам стекла и кирпича. Наконец Колян почувствовал, что откуда-то пахнуло дымом. Он сделал знак Диману – осторожнее. Пполучить пулю или заряд дробы в живот в нынешнее время равносильно смерти. Ни больниц, ни операционных не осталось, а сырой тёплый климат быстро приводит к нагноению.

Наконец они подошли к чему-то вроде лаза в подвал, откуда шёл запах дыма и слышались приглушённые голоса.

– Диман, – шепнул Николай. – Ты останься здесь и спрячься в укрытие, пока я не позову. Если я позову, тогда смело идёшь ко мне. Если услышишь шум и увидишь, что я сваливаю – прикрываешь, отсекаешь тех, кто побежит за мной, валишь наверняка и без жалости. Понял?

– Понял, – Диман кивнул. Его трясло от волнения.

– Не бойся, может, всё нормально будет. Не все же зверюги-мародёры, – подмигнул ему Колян. А про себя подумал, что все, но незачем заранее пугать пацана. И так его вон как колбасит.

Колян осторожно пошёл к входу, подняв руки вверх к затылку, как бы показывая, что он безоружен. На самом деле, к его лёгкой непромокаемой куртке на спине был пришит девушками карман, в который как раз поместились ножны с ножом. Рукоятка была как раз на уровне воротника и он мог в доли секунды вытащить нож, если понадобится. Он решительно, но без резких движений прошёл по проходу, перекрытому занавесью из какой-то ткани, видимо портьерной, отодвинул ее и вошёл.

Его глазам открылось довольно обширное помещение – наверное, это был подвал или полуподвал, возможно, какое-то складское помещение. Возле низенького окошка, выходившего во двор, стояла железная печка, чадившая из железной трубы, выведенной в окно – её-то дым и учуяли коляновцы. У стен были наложены какие-то постели, топчаны, висели верёвки,

на которых сушилось тряпье. В комнате было человек двадцать-двадцать пять, занимавшихся какими-то своими делами – кто-то зашивал одежду, кто-то просто спал. Были здесь и дети разного возраста. В общем, с виду небольшая община, каким-то образом собравшаяся в наиболее пригодном для жизни помещении.

Колян вошёл и вполголоса поздоровался с народом, сразу пытаюсь понять – кто тут главный, какова степень опасности и чего стоит ожидать:

– Здравствуйте. Кто тут у вас главный? Мне поговорить надо.

Люди притихли, повернувшись к вошедшему. В подвале мгновенно воцарилась жутковатая тишина.

– А ты кто такой? – навстречу к нему выдвинулся мужик лет за пятьдесят, с виду крепенький, держа в руках топор наготове.

– Э..ээ... Ты с топором-то полегче. Я чего, враг что ли какой, ты меня с топором встречаешь? – хмыкнул Колян. – Видишь, я без оружия.

– Сейчас все враги, – уже более миролюбиво проговорил мужик. – Говори, чего надо и вали. Нам лишние рты не нужны. И так жрать нечего.

– А что, так плохо? Магазинов мало, что ли? Мало продуктов, барахла? Это в городе-то?

– Парень, ты что, с Луны упал? Продуктов... Что протухло от сырости и воды, а что крысы сожрали. Они лезут из всех щелей, всё нахрен сожрали – и еду, и одежду. Того и гляди, нас сожрут. Откуда такой взялся?

– Да я в деревне был. В город с самого... ну, с Начала не заходил.

– Ясно. Ладно, присаживайся, толкуй, чего хотел. Меня звать Михаил.

– Я – Николай. Мне нужен проводник. Из местных, хорошо знающий город. Человек, который может помочь мне найти некоторые дома.

– Какие дома? Чего найти-то?

– Ладно, мне нужно найти место, где стоял УВД. И еще парочку оружейных магазинов.

– Яааасно... – мужик испытующе глянул на Коляна. – Думаешь стволами разжиться?

– Думаю! – решительно сказал Колян. – Без стволов сейчас нельзя. Как, кстати, у вас обстановка в городе? Бандиты есть? Кто-то держит верх?

– Ну, есть, как без этого. Да мы все бандиты, – горько усмехнулся Михаил. – А кто же ещё? Чего нагребим, тем и живём. Пока консервные банки есть, ещё поживём. Как влага их добьёт – будем жрать другу друга. Каннибализмом займёмся. А чего ещё-то делать? Производства никакого нет, пахать-сеять мы не умеем, только жрать да срать... Одно слово – городские.

– Вот что, Михаил. У меня есть, что предложить всем вам, но вначале мне нужно добыть оружие, без него нас раздавят, как мышей. С дробовиками много не навоюешь.

– Ну а что оружие? – перебил его мужик. – Что могли достать сверху – уже разграбили. Все охотничьи магазины, что смогли откопать. УВД, правда, не трогали – просто потому, что его развалило крепко, там такие завалы. Ты думаешь, сможешь их разгрести? Бесполезно. Пробовали. Объём совершенно неподъёмный.

– В общем, так, – решил Колян. – Мы едем в леса, образовывать свою «республику», что-нибудь вроде «Войска Донского», по типу казаков, и зовём себя казаками. Будем с нуля организовывать жизнь. Я предлагаю вам всем присоединиться к нам, правда, на одном условии. Я – Атаман, я буду править, мои приказы исполняются беспрекословно, я отвечаю за защиту своих подчинённых, за организацию быта и все остальное. Без единовластия, самодержавия, чёткой структуры власти сейчас не прожить.

– Не много на себя берёшь? – рассмеялся Михаил. – А если кто не захочет тебе подчиняться?

– Не захочет – остаётся с крысами. Если пошёл со мной – значит, подчиняется правилам и законам нашего Войска. Останетесь здесь – вымрете, а до того как вымрете, одичаете, будете

друг друга жрать – сам сказал. В общем – предлагаю подумать, поговорить с людьми, а пока выделить мне проводника.

– Да не достанете вы ничего! Я же сказал – там кучи мусора и всё.

– Достанем. Мы на бульдозере приехали.

– Дааа? – Михаил задумался. – Ну тогда, может, и достанете. А насчет предложения твоего подумаем. Иди пока погуляй, я тут с народом потолкую.

Колян легко поднялся и пошёл на выход. На улице он негромко позвал Димана, тот сразу поднялся из-за груды камней в метрах десяти от входа со словами:

– Ну, атаман – чего долго так?! Я думал всё, трындец тебе, заглушили там.

– Рано хоронишь. Давай присядем, подождём. Я с их старшим потолковал. Они там решают, как дальше жить. Главное, чтобы не решили нас прибить. Ну а чтобы их ответ нас неприятно не поразил – ложись-ка ты снова вон там, за стенкой, и на прицел вход возьми. Если что – вали сразу того, на кого я пальцем покажу. Вроде переговоры нормально прошли, но кто его знает... бережёного Бог бережёт.

Диман залёт в укрытие, а Коля закурил, присев на обломок бетонной плиты, свалившейся с многоэтажного дома по соседству.

«Вот почему мародёры бродят по деревням, – думал он. – Тут скоро голод начнётся, если уже не начался. Крысы вокруг и люди, как крысы. В деревне прожить можно за счёт сельского подворья, охоты, рыбалки. Эти же ни хрена ничего не умеют – прямой путь им в могилу».

Колян просидел так минут сорок, потом из прохода показались три фигуры – в центре шёл Михаил, а его сопровождали два парня с довольно неприятными лицами, без особого одухотворения на них. Михаил обратился к Коляну угрюмо, пряча глаза:

– В общем, я с народом поговорил. Вроде большинство не против с тобой пойти, но вот есть загвоздка – не хотят некоторые, чтобы пришлые рулили. Типа переворот у нас – пацаны говорят, теперь они рулить будут. Вот Петя и Андрей теперь у руля, а не я, понимаешь? – Михаил поднял голову и в упор, не мигая, посмотрел на Колю. – Они говорят, трактор тебе ни к чему. Сдай им его, тогда жив уйдёшь.

– Да что ты, старый, с ним рассусоливаешь! – зло сказал один «одухотворённый». – Слышь, брателла, трактор где оставил, колись давай. Тебе он уже ни к чему! – и он направил ствол охотничьего ружья на Коляна.

– Э-э... Ты чего? – Колян испуганно сказал парням. – Ты ствол-то отведи, ненароком пальнёт ведь! А кому теперь трактор к чему?

Парни заметно расслабились – чувак оказался не такой и страшный.

– Нам к чему! Трактор показывай где, говорю!

Колян повернулся к парням:

– Да вот, вот он, – и указал пальцем на одного и парней, одновременно поднимая руку к затылку.

Бах! Кровавые брызги и кусочки мозга залили Коляна. И тут же, как по сигналу, он выхватил из-за воротника нож и метнул его в другого отморозка. Тот, заваливаясь назад, рефлекторно нажал на спуск ружья и упал на спину, выставив рукоятку ножа в хмурое, покрытое тучами небо. Кровь выглядела лужей вишнёвого варенья и растекалась ручейками по захламлённой мостовой. Михаил сидел на обломке плиты, зажав рукой левую руку – сквозь рукав дряхлого пиджака проступало красное пятно и с кисти руки капали красные капли.

– Зацепил, сука! – зло пробормотал Михаил. – Вот и прикинь, как я тут рулю. Раньше справлялся, а как только до дела дошло – сразу бунт, анархия. И как с этим народом быть? Не зря раньше, до революции пороли нагайками. Ты прав, Николай, без власти нельзя. Одичают, суки. Эти двое самые отмороженные были, их не будет – всё будет в норме. Я людей собираю, пойдём мы с тобой. Знаю, что прав ты во многом, и вижу, что человек решительный

и умелый. Думаю, не облажаешься, если что. Я тебе чем могу помогу, только и ты меня если что не забывай, ага?

– Само собой, будешь заместителем моим. Один вон за кучей сидит. Только молод ещё. Пацан. А у тебя опыт. Кем был то до События?

– Завхоз в школе, – вздохнул Михаил. – А так – военный на пенсии.

Колян обрадовался:

– Как раз ты и на месте будешь! Запом по строевой и запом по тылу в одном лице. Давай-ка сейчас тебя перевяжем, а то я зама лишусь, ещё не получив, да промыть надо рану – есть чем?

Они сняли с Михаила пиджак, рубашку. Раны была неглубокой, но противной – заряд дробы сорвал ему большой лоскут кожи возле плеча, практически обнажив мышцы. Надо было зашивать, но прежде продезинфицировать рану, чтобы избежать заражения. Николай махнул Диману, тот вышел из-за кучи и они вдвоем повели пошатывающегося от шока Михаила внутрь. Там Михаил быстро навёл порядок, в двух словах объяснив ситуацию. Бабы засуетились, принесли горячую воду, перевязочные материалы и стали ухаживать за Михаилом. Через сорок минут рана была зашита, обработана и забинтована – кое-какие перевязочные средства и медикаменты у них имелись, видимо, собранные по аптекам.

Ещё через двадцать минут Николай, Диман и ещё четверо мужиков шагали по направлению к трактору. Больше всего Колян боялся, что трактора не обнаружится на месте – Василий был бестолковым и ненадёжным. Но потом с облегчением вздохнул – трактор на месте, Вася в здравии выполз откуда-то из-за кучи щебня. Можно было двигаться на место раскопок. Они набились в кабину, повисли по бортам, и трактор с тарактением пополз вдоль по улицам.

Проводники объясняли, как проехать. Некоторые улицы были полностью забиты обломками так, что даже трактор не мог их преодолеть. Приходилось долго объезжать завалы другими путями, но, в конце концов, они подъехали к месту, где раньше стояло здание УВД. Оно ничем не отличалось от остальных развалин, и лишь местный житель мог отличить это место от других. Видно было, что кто-то пытался расчищать проходы внутрь здания. Но конструкции, упавшие вниз, намертво перекрыли все возможные лазейки.

Колян задумчиво смотрел на здание УВД – эдак и трактором не разгребешь такую гору. Одно дело куча кирпичей, другое – практически целые блоки из старинного кирпича, их даже ураган не смог сломать. Только взрывать...

«Взорвать можно двумя путями – с помощью пороха и аммонала», – соображал Колян.

Поразмыслив, Колян аммонал исключил. Казалось бы, все очень просто: взял аммиачную селитру, перемешал её с 20 процентами алюминиевой пудры, и готово мощное взрывчатое вещество. Но селитра очень гигроскопична, а вокруг потоки воды – сырое вещество не даст такого эффекта, какой нужен при взрыве. Да и взорвать её сложно, нужен детонатор, и не просто патрон какой-то: аммонал можно прострелить пулей, жечь огнём и с ним ничего не будет. А детонаторов нет.

Порох же, заключённый в замкнутую ёмкость, ничуть не хуже мог служить цели. Его можно было найти только в оружейных магазинах. Колян знал, что порох там хранится в плотных металлических банках, скорее всего им удастся найти сухой. Если, конечно, мародёры не всё обобрали, да и они в основном патроны таскали.

Колян быстро переговорил с проводниками и они двинулись по адресам магазинов. В двух из них они нашли то, что искали. Мужики сделали импровизированную волокушу из листов железа, сорванного с крыш, и зацепили её за трактор – на ней лежало более полутонны упаковок с бездымным охотничьим порохом «Сокол».

День уже близился к вечеру и Колян распростился с проводниками, договорившись встретиться завтра у окраины города. Трактор с Николаем и двумя его бойцами потарахтел по направлению к телеге. Через два часа, уже почти в темноте, они приблизились к лагерю,

где стояла телега. За время их отсутствия происшествий не было, кроме того, что оставшиеся переругались, решая, кому работать, а кому нет. Порох быстро перегрузили под тент.

Колян только сейчас почувствовал, как он устал и проголодался. Он с жадностью съел большую чашку похлёбки. Ему очень не хватало хлеба, но в этой сырости его было невозможно хранить. Коля отдал чашку дежурной девчонке и пошёл в телегу спать, приказав Диману назначить постовых. Через пять минут он провалился в сон.

Глава 9. Колян находит сокровищницу

Закон# 121

В целях экономии допотопных боеприпасов, все бойцы обязаны пользоваться в первую очередь боевыми луками, арбалетами и холодным оружием.

На следующий день Колян и его спутники отправились в город, прихватив с собой пустую бочку из под солярки. По дороге к месту назначения они подобрали людей Михаила. Путь к УВД был недалек – они залезли на волокушу с порохом и, весело поглядывая по сторонам, с удовольствием ехали по улицам, как бойцы в 45-м на броне танков по Берлину. Колян остановил трактор у груды развалин УВД. Ещё в прошлый раз он наметил место закладки – развалины перекрывали вход в подвал, подземные этажи здания, где и находился арсенал районной милиции. Главным было убрать с дороги металлические конструкции и бетонные плиты, наглухо запечатавшие вход.

Мужики сняли бочку с волокуши, подкатили её к месту закладки, поставили вертикально и начали, вскрывая банки с порохом, засыпать его в горловину бочки, время от времени потряхивая её для равномерного распределения пороха. При этом двое человек держали над бочкой на вытянутых руках кусок непромокаемой клеёнки, чтобы морозящий дождь не намочил порошка. Бочка медленно, но верно наполнялась. Колян прикинул, как соорудить фитиль для подрыва бочки, достаточный, чтобы вовремя выбежать из эпицентра взрыва – такое количество пороха должно было рвануть так, что осколками могло порубить всё в округе пятисот метров. Дело нешуточное – нитропорох сгорает молниеносно.

Бочка была наполнена. Её завалили набок, накрыв куском клеёнки в виде навеса. Колян дал приказ уводить трактор от места взрыва подальше, а сам остался с Диманом и ещё одним человеком из группы Михаила.

– В общем, так, мужики – бежать придётся что есть сил, – сказал он им. – Впрочем, вы сейчас идите к трактору, а я подожгу верёвку (которую заранее вымочили в каше из солярки с порохом) и тоже рвану в вашу сторону. Ни к чему всем рисковать сразу. Как рванёт – смотрите, чтобы не побило кусками бетона.

Веревки хватило метров на тридцать. Из бочки вытекал ручеек сизого порошка, засыпая верёвку.

– Атаман, давай я подожгу. Я быстро бегая. Если что со мной случится – никто и не заметит, а если тебя не будет, мы все тут сгинем, – неожиданно сказал Диман.

– Точно, атаман! – поддержал парнишку человек Михаила. – Не дело тебе самому бегать, не дай Бог чего. Могу и я остаться.

Колян посмотрел на соратников.

– Ладно, мужики. Тогда, Диман, ты оставайся, но без фанатизма. Не надо на амбразуру грудью тупо кидаться, как идиоту, надо взорвать и удрать живым. Вы все мне нужны живые, с руками и ногами. Понял?

– Понял! – весело проговорил Диман.

«Эх, дурачок, – подумал Колян. – Все думают, что они бессмертны, что глупой смертью гибнет всегда кто-то другой, не они. А им всё нипочём. Сам таким болваном был. Впрочем, БЫЛ ли?» – усмехнулся он.

– Дождись, пока мы отойдём подальше. Выжди минут десять, потом поджигай. Ближе не лезь, а как подожжёшь верёвку – беги как можно быстрее. Она будет тлеть какое-то время.

Колян и его спутник быстро устремились от завала. Через несколько минут показался тархтевший на холостых трактор.

– Вы чего тут – на народном гулянии, что ли?! Трактор за стену завели, сами за него спрятались! Нехрена смотреть, как на салют, это вам не шутка! – рявкнул Николай.

Все забегали, трактор вполз за остатки старинной стены. Дореволюционные здания, несмотря на трещины, сопротивлялись урагану гораздо упорнее, чем новоделы. Потянулись минуты томительного ожидания. Наконец в конце улицы Колян с облегчением увидел фигуру Димана, несущегося, как спринтер к финишной ленточке. Вдруг земля вздрогнула и как будто вздохнула.

Один килограмм бездымного пороха выделяет около 900 л газообразных продуктов. Несколько сот килограммов нитропороха «Сокол» подняли в воздух кучу мусора и обломков деревьев. Взвился в небо сизый дым. Земля заходила ходуном, как при землетрясении. Колян быстро вскочил в кабину трактора, по которой замолотили камни. Люди повалились на землю и закрыли головы руками. Эффект от взрыва был потрясающим во всех смыслах даже на расстоянии. Порох, воспламенившийся в замкнутом пространстве, за доли секунды отдал всю свою мощь взрыву. Колян даже боялся подумать, что стало с Диманом. Обнадёживало лишь одно – тот был на достаточном удалении от эпицентра взрыва. Может и уцелел.

Когда обломки перестали сыпаться сверху, люди начали подниматься, некоторые были оглушены упавшими камнями. Их приводили в чувство или просто грузили бесчувственных на волокушу. Трактор рванул вперёд, хрустя гусеницами по мостовой, прямо по кускам бетона и арматуры, усыпавшим улицу. Впереди Колян увидел фигуру Димана – тот лежал в неестественной позе, как кукла.

Атаман соскочил с трактора, стал ощупывать его, прислушиваясь ухом к груди парня. Сердце билось очень тихо и прерывисто. Под Диманом натекла лужа крови – куском бетона с торчащей арматурой ему снесло скальп над ухом, оголив почти полголовы. Колян дал команду погрузить Димана на волокушу.

После погрузки раненого он снова рванул на полной скорости к месту взрыва – надо было срочно найти арсенал и вывезти. Взрыв прогремел на многие километры и кто-нибудь мог заинтересоваться, чего это там гремит, а стычки с неизвестным противником были сейчас явно лишними. Подъехав к УВД Колян оценил эффект от взрыва: бетонные конструкции, прикрывавшие вход в подвалы УВД, раздробило и унесло в сторону. Воронка обнажила засыпку под асфальтом, сорвав верхний слой, как обёртку, и унесла в отвалы искорёженную арматуру, брёвна, мусор. Вход всё равно находился под грудой обломков, но теперь это были не мощные бетонные конструкции, а кучи щебня, с которыми отлично справится бульдозер.

Николай послал гонца за помощью к Михаилу. Парнишка быстро убежал с поручением, Колян привычно уселся за рычаги бульдозера и принялся методично освобождать вход в подвал. Через час-полтора работы вход был практически открыт, осталось расчистить его вручную от кирпичей и мусора, чтобы пройти внутрь. Этим занялась толпа народа, приведённая Михаилом. Женщины занялись уходом за ранеными, остальные по цепочке передавали кирпичи, расчищая проход. Наконец и он был свободен – в него легко протискивался человек, большего и не требовалось.

Колян зажёл налобный фонарик и вместе с несколькими добровольцами спустился вниз. Внутри было все спокойно. У двери лежал практически разложившийся труп в форме милиционера – видимо, дежурный. Его, видно, засыпало и он умер там мучительной смертью от голода и жажды. Коляна передёрнуло – если бы он не выбрался из пещеры, он лежал бы так же. Запах стоял жуткий. Двух парней вырвало фонтаном, Колян и сам с трудом сдерживал позывы на рвоту. Продукты разложения, в которые входит меркаптан, имеют необычайно стойкий и сильный запах, въедающийся даже в железо на молекулярном уровне.

Они перешагнули через труп и прошли через комнату чистки оружия, увешанную плакатами с пистолетами и автоматами в разрезе и различными призывами к правильному поведению с оружием. В конце комнаты обнаружилась стальная дверь с «кормушкой», запирающая

яся электрозамком изнутри. Как оказалось – она была не стальная, а только окована листами жести. Через час борьбы с дверью топорами, ломанами и пудовой кувалдой, она была побеждена, со скрежетом распахнулась и Колян шагнул в оружейку.

На стеллаже висели связки ключей от оружейных ящиков. В них рядами стояли пистолеты макарова, короткоствольные автоматы калашникова 5.45, лежали цинки с патронами. В нескольких ящиках были бронежилеты и даже несколько бронекостюмов серо-стального цвета, выдерживающих многократные попадания пуль калибра 7.62 и крупнее. Это были очень тяжёлые и неудобные костюмы, превращающие человека в подобие танка. Также нашлись гладкоствольные карабины с зарядами слезоточивого газа, картечными и другими патронами. Нормальный специализированный арсенал отдела внутренних дел. Коляна, правда, несколько раздосадовало, что там не было осколочных гранат, только шумовые. Но ждать от отдела УВД в небольшом городе арсенала с Иглами и Мухами было глупо. О чём Колян тут же и подумал, успокоившись. И то хорошо – с охотничьими дробовиками больно-то не навоеешь, а воевать им предстояло точно, в этом Коля был совершенно уверен. Он приказал всем вооружиться по полной, набить магазины патронами, надеть разгрузки и бронежилеты. Сам взял автомат, к нему удлинённые пулемётные магазины, два пистолета, набил патронами и магазинами все возможные карманы и ёмкости. Порадовался найденным пяти снайперским винтовкам – одна даже была с ночным прицелом. Колян выбрал себе обычную. Зарядил её и тоже повесил на себя.

– Сейчас выходим. Я иду первым и осматриваюсь – взрыв мог привлечь нежеланных гостей. Будьте осторожнее. И друг друга смотрите не перестреляйте в суматохе.

Он пошёл вперёд, чутко прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Вроде всё было тихо. Забрезжил свет в конце коридора, они подошли ко входу, выключили фонари. Николай жестом сдержал остальных, выжидая, пока глаза привыкнут к свету. Затем осторожно выглянул наружу.

Трактор все так же тархтел двигателем, крапал мелкий дождь, пахло сгоревшим пироксилином бездымного пороха и тянуло трупным запахом из коридора УВД.

– Вроде всё тихо, пошли. Но поглядывайте по сторонам.

Колян расставил посты вокруг входа УВД, остальные спускались вниз и выносили оружие, боеприпасы и снаряжение, укладывая его на волокушу. Через несколько часов всё было закончено. На волокуше громоздилась внушительная гора военного снаряжения, накрытая брезентом от любопытных глаз. Люди Коляна были увешаны всевозможным оружием, перевязанные раненые устроены с краю волокуши. Разношерстная группа двинулась за трактором в путь.

По дороге они остановились у подвала, где жили люди Михаила. Там они быстро покидали на волокушу оставшиеся нехитрые пожитки общины, и вся толпа, напоминающая цыганский табор, двинулась к тому месту, где Николай оставил телегу. Через полтора часа они были на месте. Атаман выставил посты, потом собрал на совещание Михаила и ещё одного человека из его окружения, представленного Михаилом как своего помощника. Диман участвовать не мог, он всё ещё был без сознания после контузии обломками, но состояние его было стабильным и, вроде, уже неопасным. Ранения в голову вызывают обильное кровотечение, потому казалось, что состояние парня было удручающим, но оказалось, что всё не так уж и плохо.

– Итак, мужики, – начал Колян. – Нам надо двигаться дальше. Оружие теперь у нас есть, так просто нас не взять. Но обольщаться не надо – тяжёлого позиционного боя мы не выдержим. Народ необученный, оружие лёгкое стрелковое, против тяжёлых пулемётов и гранат не устоим. Двигаемся как можно глубже в леса, ищем подходящую базу – дом отдыха, турбазу, особняк, захватываем ее. Если будет необходимо с боем. Главное – наличие воды рядом, укрытие от ветров и наличие топлива – дров. По пути подбираем всех желающих присоединиться, строго фильтруем их. Оружие давать только проверенным людям, тем, кого знаем. По

дороге отправляем группы фуражиров по окрестным населённым пунктам в поисках полезных вещей – продуктов, инструментов, лекарств. Нужен ещё транспорт. Любой. Машины, трактора, повозки. Опросите людей – кто умеет водить и ремонтировать технику, кто служил и умеет хорошо обращаться с оружием. Михаил, организуй курсы – пусть на отдыхе все учатся обращаться с оружием. Мало ли что случится, все казаки и казачки должны хорошо уметь стрелять и не бояться оружия. Какие будут вопросы?

– Да вроде всё ясно. А что делать, если кто-то не хочет подчиняться?

– Диман как очнётся, поздравеет, возглавит службу безопасности. Пока тех, кто накосячил, ведите ко мне. Мы тут как на фронте, нам некогда долго размышлять, будем сходу решать. Михаил берёт на себя также фуражиров. Подбери спокойных, уравновешенных людей, вооружи их, обрисуй задачу – найти источник продуктов и товаров и известить нас. Мы подъедем и загрузимся. Сколько могут – пусть сами донесут. Ты, Артём, бери на себя охрану лагеря, организуйте вместе с Михаилом быт людей.

С появлением нескольких десятков людей хлопот прибавилось – нужно было сделать навесы от дождя, обеспечить всех продуктами, организовать питание. В конце концов лагерь затих, люди воспряли духом и успокоились – появилась цель, какая-никакая организация, власть. Это вселяло в них надежду на доброе будущее.

Глава 10. Колян ищет свою землю

Закон #75

Несоблюдение правил личной гигиены карается телесными наказаниями.

Длинный обоз тянулся по дорогам на северо-запад. Бесконечный дождь сменялся часами солнечной, жаркой погоды, тогда земля парила, как старая мокрая фуфайка на печке, пахла травами, ветром. Было очень тепло, как в тропиках. Природа начала оживать – чудом выжившие птицы свистели и чирикали в поломанном, но пышно расцветающем лесу, трава, только начинавшая отрастать, вымахала по пояс в сырости и тепле, всё вокруг пышно росло и цвело. К обозу присоединялись новые люди. Нашлось и несколько грузовиков, что очень облегчило задачу командирам казаков. Им на руку было то, что ночи стояли теплые и не требовали обогрева людей верхней одеждой.

Впрочем, были и минусы тропической жары. Остро встал вопрос гигиены – Николай опасался болезней, в жарком климате распространявшихся молниеносно. При малейшем подозрении на дизентерию или холеру, люди сразу же изолировались в карантинную повозку до излечения. Они строго следили за соблюдением гигиены – по лагерю ходили специальные люди и смотрели за состоянием одежды, посуды казаков и требовали соблюдения чистоты.

Были, конечно, и недовольные такими строгостями. Их по решению командиров прилюдно выпороли плёткой, после чего недовольство стихло, и люди истово начали блюсти чистоту. Среди уцелевших нашлось и несколько медработников – от медсестры до заведующей отделением районной больницы, которые стали ответственными за медицину.

Дорога проходила почти без столкновений с местными жителями, за исключением двух случаев, когда пара фуражиров была обстреляна из огнестрельного оружия и легко ранена. Николай приказал поджечь дома, из которых был произведён обстрел. Они так и не узнали, кто на них напал. Да это было и неважно. Карающая акция была сделана специально, для устрашения – чтобы больше никому в голову не пришло напасть на них. Жизнь в лагере беженцев как-то устоялась – днём они продвигались вперед километров по сорок, потом становились на ночлег, разбивали лагерь. Утром собирались в путь снова. Казалось, так будет вечно. Командование казаков взяло на себя роль загса – они завели большую книгу, в которую вписывали новые создавшиеся семьи. Человек привыкает ко всему, даже к жизни после вселенской катастрофы.

Диман отошёл после контузии и носился по лагерю, налаживая порядок. В исключительных случаях он обращался к Николаю, когда не мог сам разобраться в ситуации или надо было устроить показательный суд и аутодафе нарушителю порядка. Впрочем, кроме банального мордобоя-бытовухи, скандалов на почве ревности и мелкого пакостничества ничего особо криминального не было. Людям в процессе выживания просто некогда было думать ни о чём криминальном, для этого не хватало времени и сил.

Через некоторое время все были разбиты на подразделения, во главе каждого встал старшина. Он отвечал за хозяйственные дела его группы, разбираал конфликты, а если конфликт был слишком серьёзным – дело переходило к суду старшин. Если же стороны были недовольны судом – конечной инстанцией был уже Войсковой Атаман, то есть Колян, который находился на положении самодержца и мог отменять решения, миловать или наказывать. Он сразу решил построить жёсткую централизованную систему управления, так как это был наиболее эффективный в экстремальных условиях способ управления. Колян, в общем-то, не особо задумывался о том, что он строит самодержавную империю, но он интуитивно понимал, как надо делать, и руководствовался здравым смыслом.

Все общеизвестные законы человечества основаны на здравом смысле и опыте, так что ему не пришлось выдумывать велосипед. Разработанный им совместно с замами свод зако-

нов, спешно написанный за два дня в качающейся тележке, представлял из себя нечто среднее между сводом законов Хаммурапи и уставом Войска Донского. Многие учёные считали, что современные законы вышли из кодекса Хаммурапи – начиная с презумпции невиновности (человек невинен, пока не докажут обратное) и заканчивая семейными правовыми отношениями. Древние законы шумеров, дошедшие до нас в виде клинописи на древнем базальтовом столбе, чётко перекликаются с нынешним правом.

В 1901 году французские археологи обнаружили во время раскопок в Сузах, столице древнего Элама, большой черный базальтовый столб с изображением царя Хаммурапи и текстом его законов, написанных клинописью. Текст законов состоит из трех частей: введение, в котором Хаммурапи объявляет, что боги передали ему царство для того, чтобы сильный не притеснял слабого, перечисляет благодеяния, которые были им оказаны городам своего государства; 282 статьи законов; обширное заключение.

Была и часть о земельной собственности. При царе Хаммурапи частная собственность на землю достигла наивысшего уровня развития. Царским и храмовым хозяйством управлял царь. Земли могли свободно продаваться и сдаваться в аренду, передаваться по наследству. В Законах Хаммурапи имеется ряд статей, посвященных аренде поля, сада, еще не освоенной земли. Земельные наделы воинов и имущество солдат подчинялись особому правовому режиму.

В ряде статей упоминаются различные виды имущественного найма: помещений, домашних животных, судов, повозок, рабов, устанавливается плата за них, а также ответственность в случае потери или гибели нанятого имущества. При помощи договора личного найма нанимали сельскохозяйственных рабочих, врачей, ветеринаров, строителей. Законами устанавливался порядок оплаты труда этих лиц и их ответственность за результаты труда.

Хаммурапи первым начал взимать с крестьян налоги серебром, а не продукцией. Многим приходилось брать серебро в долг у торговцев – тамкаров (ростовщиков) за дополнительную плату. Тем, кто был не в состоянии расплатиться с долгами, приходилось отдавать в рабство кого-нибудь из родственников. Хаммурапи несколько раз отменял все накопившиеся в стране долги, но справиться с проблемой долгов ему так и не удалось, так как среди тамкаров были не только торговцы, но и сборщики налогов, и хранители царской казны. Своими законами Хаммурапи стремился оградить должника от кредитора и предотвратить долговое рабство.

По Законам Хаммурапи Брак заключался на основе письменного договора между будущим мужем и отцом невесты и был действительным только при наличии этого договора. Главой семьи был муж. Замужняя женщина могла иметь свое имущество, сохраняла право на принесенное ею приданое, имела право на развод, могла наследовать имущество после мужа вместе с детьми. Однако права жены были ограничены: за неверность, определяемую в законе как прелюбодеяние, она подвергалась суровому наказанию. Но мужу разрешалось иметь побочную жену, если законная жена его была бесплодна. Будучи главой семьи, отец имел сильную власть над детьми: он мог продавать детей, отдавать их в качестве заложников за свои долги, отрезать язык за злословие на родителей. Наследниками являлись не только родные и усыновленные дети и внуки, но и дети от рабыни – наложницы, если отец признавал их своими.

К преступлениям против личности законы относят неосторожное убийство, а об умышленном убийстве ничего не говорится. Подробно рассматриваются различного рода членовредительства: повреждения глаза, зуба, кости. Отдельно отмечается причинение побоев. Имущественными преступлениями называют кражу скота, рабов. Отличными от кражи преступлениями считаются грабеж и укрывательство рабов. Преступлениями, подрывающими устой семьи, законы считают прелюбодеяние (неверность жены и только жены) и кровосмешение. Преступными считались действия, подрывающие отцовскую власть.

При определении наказания руководствовались „принципом талиона“ – „мера за меру“, когда виновному назначалась та же участь, что и потерпевшему. Наказаниями за имущественные преступления были смертная казнь, членовредительство или штраф, многократно превы-

шающий стоимость украденного. В случае неуплаты штрафа виновного казнили. Наказаниями за преступления, подрывающие основу семьи, также были смертная казнь (за прелюбодеяние), членовредительство (например, отрубление руки сыну, ударившему отца).

Ведение процессов по уголовным и гражданским делам начиналось по жалобе потерпевшей стороны. Судебный процесс носил состязательный характер, причём бремя доказывания целиком лежало именно на заинтересованных сторонах, участниках процесса – обвинителе или истце и обвиняемом или ответчике, а также на их свидетелях. Доказательствами служили свидетельские показания, клятвы, ордалии (испытание водой). В некоторых случаях требовалось наличие свидетелей и/или документа с печатью. Особый вид доказательств составляли обращения к „божьему суду“. Речь идёт о клятвах перед богами и ордалиях, состоявших в том, что обвиняемый бросался (или его бросали) в реку, и считалось, что его судьба зависит от воли бога реки: если он был невиновен, то всплывал, а если виновен – тонул (то есть бог реки „забирал“ его). Предполагалось, что боги неминуемо поразят смертью клянущегося ложно; поэтому принесение такой клятвы считалось в ряде случаев достаточным доказательством для оправдания и подтверждения правоты, а отказ принести клятву – доказательством справедливости обвинения.

Хотя в тексте Законов Хаммурапи нет прямого упоминания того, что царь являлся кассационной или апелляционной инстанцией, в одной из статей проскальзывает намёк на традиционное царское право помилования (если муж пощадит свою прелюбодейку-жену, то царь автоматически дарует помилование любовнику); кроме того, трудно сомневаться, что царь при желании мог казнить, кого хотел.

Конечно, древние законы были очень суровы, но в целом – разумны и справедливы. С помощью кодекса можно было чётко регламентировать каждый шаг казаков. В тех случаях, когда ситуация не подходила под какой-то закон, Колян принимал решение сам, основываясь на советах своих замов или не принимая их во внимание. Преимущество самодержавия. Человек, вставший во главе государства, обладающий полной властью, может развить это государство в могущественную, процветающую державу, если он будет основываться на здравом смысле и порядочности – Колян был в этом уверен.

Через три месяца его народ насчитывал в своих рядах более чем пятисот человек. Они двигались уже очень медленно, покрывая в день не более 20 километров, отягощённые большим количеством различного скарба и слабыми членами общества. Он разослал во все стороны разведчиков с целью найти подходящий объект недвижимости для его людей. Разведчики ускакали на лошадях. Первое, что сделал Николай, это приказал реквизировать и собрать по деревням всех имеющихся в наличии лошадей – без них счастливого будущее было невозможно. Люди были вмиг отброшены в средние века рукой природы, нужно было приспособляться к реалиям жизни. Какое-то время еще можно было эксплуатировать автотехнику, сохранившуюся после апокалипсиса. Но машины на глазах приходили в негодность, разрушаемые агрессивной средой и безжалостным временем, а производить и поддерживать их было невозможно из-за разрухи и отсутствия ресурсов. Лишь лошади могут производить себя сами, находить корм под ногами и служить и транспортом, и боевой техникой – понимал Атаман.

Теперь Коля не сидел за рычагами трактора – нашлись и трактористы, и повара, и медработники. Структура Войска сформировалась довольно чётко. У него оставался только один вопрос, касавшийся веры. Тут всегда крылась опасность... Люди на их пути попадались разные – и русские и нерусские, истово верующие и атеисты.

Без веры выжить было нельзя. Вакуум в верованиях всегда заполняется чем-то нехорошим – сатанизмом или сектантством, но и различие в течениях христианства, как показала история человечества, часто приводит к войнам. Этого допускать было никак нельзя. Потому, после долгого размышления, Николай огласил такое решение: вера будет единой для всего войска, христианство без разделения на православие и католицизм. Каждому был предостав-

лен выбор – остаться в Войске Казаков или покинуть его. Как ни странно, хотя не всем пришлось по вкусу решение Атамана, никто не покинул Войско – да и глупо было бы покидать безопасную и сытую жизнь ради сомнительных отклонений в верованиях.

Следующий шаг был сделан в отношении семейных отношений. Колян не без удовольствия заявил, что каждый мужчина может взять в семью сколько угодно жён, при условии полного обеспечения женщин и их детей. Это было сделано для того, чтобы пристроить одиноких, оставшихся без поддержки женщин, а также максимально быстро увеличить количество людей. С этой целью были запрещены аборты, а сделавшие их подпольно лишались всего имущества и после порки изгонялись из Войска. Что, в общем, было равносильно смерти. Современный человек не мог выжить в нынешних условиях без поддержки рода.

Сирот-найденных оказалось столько, что Николай изменил своё решение распределять детей по семьям казаков. Вместо этого он задумал создать что-то вроде пажеского корпуса или, скорее, янычарского – для мальчиков, где они воспитывались бы в воинских традициях, в истинном поклонении своему народу, своему атаману. Николай нашёл воспитателей и инструкторов по воинскому делу. Мальчиков до 17 лет обучали воинским обязанностям, усиленно вдалбливали им понятия о чести, о вере, о любви к своему народу. Из них должна была выпестоваться гвардия, на которую в будущем мог опереться Николай. Такая тактика воспитания уже оправдала себя в прошлом – янычарские корпуса были самым мощным оружием турок. Дети-сироты, воспитанные в духе ислама и любви к своему народу, были готовы зубами загрызть любого, кто угрожал их стране. Их называли «львами ислама». Их страшились десятки стран Европы, Азии, Африки. Они были яростными, жестокими, упорными и неподатливыми. И это была лучшая в мире профессиональная пехота, какой ещё не видел мир.

Раз в пять лет у христианских подданных султана отбирали мальчиков пяти-двенадцати лет, определяли их в турецкие семьи или специальные школы, где обучали турецкому языку и нормам ислама. Безропотно послушные и физически закалённые, к 17-20 годам они становились янычарами – «воинами ислама». Янычары называли себя «рукой и крылом Османской династии». Султаны холили их, превозносили, лично вникали в обучение и быт, использовали в дворцовых конфликтах и в подавлении мятежей.

Так продолжался поход казаков в будущую землю обетованную. За эти месяцы цыганский табор из разношёрстной группы людей превратился в строго иерархическое военизированное подразделение. Но этого было мало. Необходимо было основать осёдлое поселение, столицу, где и могла сосредоточиться новая власть.

В один прекрасный день к Николаю прискакал Диман с криком:

– Нашли! Нашли, атаман!

– Чего нашли-то? Сокровища Чингисхана? Потерянный горшок? Носок с дыркой? Ты чего Диман орёшь как оглашены? Докладывай, как следует, чётко и без эмоций.

– Атаман! Докладываю – нашли объект, подходящий для расположения базы. Место обалденное – озёра, леса. Коттеджи немного порушены, но восстановить несложно. Загвоздка только – там уже засела группа какая-то, мы даже поговорить не смогли, они сразу стали палить. На переговоры не идут – по ходу, обделались, как нас увидели. Засели за забором и палат. Мы отвечать пока не стали, к тебе сразу поскакали.

– Интересно. Поехали, посмотрим на них.

Казаки вскочили на лошадей. Николай отдал приказ встать лагерем до особого распоряжения. Через два часа езды они подъехали к красивому озеру. Виднелись здания из красного кирпича, забор. Казаки оставили лошадей в лощинке, под присмотром молодого паренька, и пошли на пригорок осматривать местность. Коляну очень понравилось место: всё, что было нужно для жизни, было перед его глазами. Большое озеро, тянущееся с севера на юг, комплекс из нескольких больших зданий, красивая набережная, замощённая плитами. Конечно, всё было в запустении, но всё можно было отремонтировать. Вокруг был густой хвойный лес.

– Мужики, у кого есть белая рубаха или майка? Давайте сюда. Вырубите шест – сейчас пойдём на переговоры. Пойдём Диман и я. Если что с нами случится – сровняйте с землёй эти сараи. Поняли?

– Поняли. Только может, ну его? Не надо? Может сразу и сровняем?

– Я не хочу лишней крови, тем более крови казаков, – покачал головой Колян. – Как ни берегись, а часть наших погибнет при штурме. Мне этого не надо. Вам тоже. Попробуем договориться, если не удастся – будем валить. Пора нам обрести дом. А это место идеально для этого подходит. Так что, альтернативы нет.

Николай взял шест с привязанной к нему белой майкой, поднялся на ноги и пошёл к виднеющимся в двухстах метрах воротам на турбазу. Диман шагал рядом с ним, сжав зубы.

Глава 11, Народ Коляна вступает в войну за свое будущее

Закон #99

Гражданином Роси может стать любой человек, который согласился беспрекословно подчиняться законам Казаков и доказал свою пользу обществу.

Атаман шёл осторожно, плавно, не делая резких движений. Рядом сопел сломаной перегородкой носа Диман, спотыкаясь о кочки.

– Диман, если что – сразу падай на землю и отползай вон за то дерево. Не кипешуй и жди, когда наши выручат. Без геройства! – сквозь зубы проговорил Николай.

– Атаман, ты сам будь осторожнее. Ты тоже не ахти как осторожничаешь, – огрызнулся Диман. – Без тебя нам всё равно труба.

– Ладно, разберёмся, – проворчал Колян.

Они подошли на сто метров к воротам, Николай остановился и замахал шестом с белой тряпкой:

– ЭЭЭЭЙ! Есть кто там?! Айда поговорим!

Через пять минут молчания, когда, казалось, что уже ответа не будет, прозвучал ответный крик:

– А чо нам с вами разговаривать-то! Вы нам нахрен не сдались! Своих ртов хватает! Идите нахрен отсюда, покада целы!

– Мужики! Вышлите переговорщиков, с атаманом нашим поговорите, дела обсудим, а то как-то не по-людски?! – крикнул Диман.

– Нах нам ваш атаман не сдался, бендеровцы гребаные! Валите отсюда – три секунды вам на отступление!

Неизвестные подкрепили свои слова выстрелами. Из под ног Николая и Димана брызнули крошки земли, а одна пуля воткнулась в сосну рядом с Николаем.

– Они на поражение стреляют ведь, ублюдки! – ошеломленно прошептал спутник Коляна.

– Валим, Диман! – и мужики зигзагами, чтобы затруднить попадание стрелкам, побежали в укрытие за пригорок. Ещё несколько пуль ударило совсем рядом, потом стрельба утихла. Николай и Диман подошли, отдуваясь от быстрого бега, к группе казаков. Те ругались матерно и грозились в сторону турбазы. Николай достал бутылку с водой, отхлебнул, послушал воинственные крики и сказал:

– Так. Хорош базлать. Они, в общем-то, правы, что нас не подпускают. Это их право. А наше право – взять то, что нам нужно. Не получается по-хорошему – будем брать силой. Нам деваться некуда. Народ хочет осёдлости, нормальных условий жизни, покоя, а не вечной дороги. День за днем нарастает недовольство и нам пора уже разрядить ситуацию. Как ни жаль, придётся брать базу штурмом. Главное – потерять при этом как можно меньше людей. Помните – это вам не детские игры, это бой, и кто-то из него уже не вернётся. Поэтому становимся лагерем там, у речушки, отряжаем отряд разведчиков и наблюдаем за турбазой. Не думаю, что у них там хорошие бойцы, но оружия должно хватать. Судя по звуку, у них сайги, охотничьи ружья и помповики – всё-таки это турбаза, значит, тут охотились. Скорее всего, там засели охранники и обслуживающий персонал базы. Тут места укрытые, видать ураган прошёл верхом, горы прикрыли их, поэтому хорошо сохранилась база. Запас боеприпасов у них есть и, скорее всего, даже автономное электропитание. Надо выяснить сколько у них бойцов, какие посты, сколько их. Это на тебе Диман. Давай, занимайся. Завтра к вечеру у меня должны быть

все данные. Не забудьте наш лагерь скрытыми постами окружить, самих бы ещё не перерезали. Всех любопытных отлавливать и до поры до времени запирать в ящик. Всё понятно?

– Понятно!

– Раз понятно – все по местам, три человека со мной в лагерь.

Казачи с Николаем поскакали к своему лагерю, а Диман и ещё группа его бойцов осталась на месте. Ночь прошла спокойно. Только утром Коляна разбудил Диман:

– Атаман, мы лазутчиков поймали, погляди.

Николай вышел, с хрустом потянул плечи и сделал несколько размашистых движений руками, разгоняя сон. У палатки казаки держали двух парней с перевязанными верёвкой руками.

– Вот, поймали у лагеря – шарились тут. Хорошо, скрытые посты были, они и попались. Спрашивали, что делали – не колются. Мы и решили отвести их к тебе, подумали – ты лучше знаешь, что с ними делать.

– Что-что, башки им отрезать и всё тут, раз молчат, – хохотнул Колян. – А что ещё делать-то? На войне как на войне. Они вчера в нас палили, хотя мы с белым флагом были, парламентарями, а, значит, поставили себя вне закона. Так что раздевайте их до гола, сейчас их сначала кастрируем, а потом головыотрежем и бросим их у ворот базы.

Колян незаметно подмигнул одним глазом Диману – мол – не слушай, это так, фарс.

– Ну что, приступайте, помолясь. Эй, лазутчики, в Бога веруете? Пять минут вам помолиться, потом некогда будет. Жаль, конечно, молодые ещё парни... Жили бы ещё и жили. Но вы сами выбрали себе судьбу. Приступайте, мужики.

У одного парня после слов Николая на штанах расплозлось темное пятно и резко запахло мочой. Оба лазутчика упали на колени и, рыдая, начали взахлёб просить:

– Не надо! Не надо! Мы всё расскажем! Нас послали разведать, кто вы такие и сколько вас! Мы всё расскажем!

– Ну вот, другое дело, – удовлетворённо сказал Николай. – Дмитрий, давай их к себе в палатку, допроси. Убирай их отсюда, воняет как из сортира. Похоже, один ещё и обделался.

Колян сморщил нос и шагнул назад в палатку, надел рубашку и пошёл к навесу столовой пить чай. Он мог, конечно, приказать приносить себе завтрак в палатку, но привычка быть как все брала верх. Впрочем, от нее ему скоро придётся избавляться, подумал он. Человек, принимающий решения, влияющие на жизнь и смерть многих людей, должен быть для своего народа небожителем, гением и вождем нации. Иначе кое-кому в голову обязательно придет мысль – а почему это он во главе, почему не я? Ведь он такой же, как и я: руки, ноги, голова, он так же ест, пьёт, испражняется, истекает кровью. Николай хотел избежать ошибок древних вождей. По возможности, конечно.

Он попил чаю, съел пару яиц вкрутую, предложенных ему дежурной поварихой. Постоявшие казаки питались в общественной столовой за счёт общества. Остальные получали свой паёк строго по количеству душ. Пока у них был только натуральный обмен – все сдавали в казну общины продукты и товары, откуда имущество распределялось на всех. Впрочем, пока всего было вдоволь. Фуражиры набирали в заброшенных населённых пунктах всё, что нужно, и ещё несколько лет можно было вполне прожить припевающе за счёт мародёрства. Но время пролетит незаметно, поэтому нужно уже сейчас налаживать хозяйство. Не хватало прежде всего муки, хлеба – расплодившиеся грызуны и сырость уничтожили все запасы этого продукта. Сохранились лишь продукты, упакованные в металлическую посуду, но и их надолго не хватит. С этими мыслями Николай вошёл в штабную палатку, где завершался допрос лазутчиков с базы отдыха.

Как оказалось, на базе находилось около ста человек. Из них – примерно сорок бойцов. В основном это были охранники базы, егеря, во главе которых стоял некий олигарх, отдыхавший тут со своей компанией и телохранителями. Его компания состояла в основном из тёлочек-модель-

лей да парочки прихлебателей, а вот телохранители Николая очень заинтересовали. Они могли стать проблемой и положить много коляновского народа, если, конечно, это настоящие бойцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.